

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ирина Котова

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

МЕДВЕЖЬЕ СОЛНЦЕ

Annotation

Свадьба — самый счастливый день в жизни каждой девушки. Но станет ли он счастливым для принцессы Полины Рудлог?

Сможет ли работа заменить принцессе Ангелине любовь? Получится ли у принцессы Марины справиться с тягой к экстриму, у ее сестры Алины — доказать, что она достойна учиться в Маг-Университете, а у королевы Василины — не выпускать из рук свалившееся на нее пару месяцев назад управление государством?

Иногда так случается — даже любовь и власть не спасут тебя от предначертанного. И боги бессильны помочь, потому что бывают моменты, когда только люди решают свою судьбу.

Ирина Владимировна Котова

Медвежье солнце

© И. Котова, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Конец ноября, Блакория

На маленькой сейсмологической станции в горах на севере Блакории, возле самой границы с Бермонтом, царило привычное этому месту сонное оцепенение. Солнце только-только поднялось из-за низкого «седла» — перевала между двумя пиками, — и ослепительно белым и розовым блеснул снег, а тени от вершин, скользящие по склонам и густеющие в лощинах, казались сочными, темно-фиолетовыми, как будто на мерзлое белоснежное одеяло щедро плеснули черничного сока.

Двое пожилых сотрудников станции, пришедшие в горы еще молодыми парнями, да так и не сумевшие уйти от этой красоты, попивали традиционный сладкий чай с обязательной доброй долей ягодной настойки и тихо обсуждали планы на выходные. Они были удивительно похожи, хотя один был блакорийцем, темным, кареглазым, а второй типичным инляндцем — рыжим, с голубыми глазами. Но тридцать лет горного солнца высветлили их глаза и волосы, собрали морщинами кожу у глаз, выкрасили лица кирпичным загаром, и походка у них была одинаковая — лыжная, расслабленная, — и стать, и фигуры, подтянутые, с широкими плечами и узкими бедрами. И звали их похоже — Ульрих и Генрих, и женились они на сестрах — горы сплели их судьбы, сделав не только друзьями, но и родственниками. И так они сработались, что говорить им много теперь не нужно было — понимали друг друга с полуслова. Но все равно говорили. Уже и внуки пошли, и дети разъехались, а они каждое утро тридцать один год подряд начинали с подъема к станции из маленького городка у подножия горы, там заваривали себе чай и вели разговоры обо всем на свете — начиная от дел семейных и заканчивая полетом в философские высоты. Не забывая отмечать показания приборов и присматривать по собственной инициативе за склонами — не накопилось ли где-то чересчур много снега, который может сойти лавиной на их городок, не пора ли вооружиться ракетницей, проехаться по скрипучему белоснежному покрову и сбить зарождающийся снежный рыхлый нарост.

Старший по станции, Ульрих Кенгшпитцен, обладал уникальным чутьем — он предвидел изменения погоды, готовые сорваться лавины, трещины в ледниках и предчувствовал землетрясения. Вот и сегодня Ульрих с самого утра тревожился: грудь давило, в ушах стоял звон — явственные признаки грядущего бедствия. К сожалению, звон в ушах не приложишь к протоколу объявленной тревоги, поэтому приходилось ждать показаний сейсмодатчика. Зато в их городке все знали: если старина Ули мрачен, а глаз у него налит кровью — жди толчков. Примета была такой же верной, как цветение ольхи, после которого холодов уж не бывало.

Двумя километрами левее и ниже от станции находился оживленный горнолыжный курорт — один из тех, которыми так славилась Блакория, и перед выходными уже начали массово прибывать люди — из окошка хорошо была видна россыпь мелких фигурок в ярких куртках и шапках, что высаживалась из фуникулера и ручейком тянулась к административному зданию. К вечеру склон осветится огнями, и тысячи людей будут испытывать себя на спусках. Тысячи таких же влюбленных в горы, как они сами.

Ульрих поморщился — звон в ушах стал нестерпимым, — и тут же дрогнула гора, загудело, завывало вокруг, заверещал сейсмограф, вырисовывая на ленте резкую вертикальную

черту, и пошел плясать дальше, расчерчивая график в виде затухающего треугольника.

— Пять баллов, не меньше! — возбужденно крикнул старший по станции, добравшись до ленты. В первые-то секунды они с Генри на ногах не устояли, а друг еще и ухитрился опрокинуть на себя кружку с чаем и теперь морщился, задрав штанину и поливая покрасневшую кожу спреем от ожогов. Станцию снова потряхивало — шли остаточные толчки, а Ульрих уже набирал тревожный номер и диктовал в трубку.

— Красная тревога, красная тревога! Опасность схода лавин! Произошло землетрясение, мощность не менее пяти баллов. Закрывайте трассы, эвакуируйте людей, высокая вероятность повторных толчков!

— Ули, смотри-ка, — обожженный напарник недоуменно чесал рыжую бороду, глядя в окно. Маленькая станция снова стала подрагивать, и он ухватился за подоконник. — Я такого еще не видел. Что это?

— Оптический обман? — неуверенно предположил старший, глядя на странное явление метрах в ста пятидесяти от строения. Генри взял фотоаппарат, начал увлеченно щелкать. Там, в густой тени, над бегущими вниз ручейками потревоженного снега раздувалась прозрачная радужная сфера высотой в четыре человеческих роста — создавалось полное впечатление, что кто-то дует в невидимую трубочку и выдувает огромный пузырь, начинающийся с перламутровой воронки и уходящий в склон горы.

— Не похоже, — возразил его друг, забывший и про ошпаренную ногу, и про толчки, все еще ощущающиеся слабым эхом под ногами. Он просматривал отснятое — а сфера все увеличивалась, пока «воронка» не дрогнула и не распалась несколькими «лепестками», придав явлению сходство с огромным прозрачным подснежником. — Слушай, Ули, пойду-ка я посмотрю, что за диво.

— Снег неустойчивый, — больше для порядка возразил начальник, — не надо бы.

Хотя ему и самому было любопытно. Лавина станции не грозила — здание стояло на широком каменном уступе, да и место было нелавиноопасное.

— Ладно, — отмахнулся Генри, натягивая лыжные ботинки, — снегоход пройдет.

Прозрачный «цветок» уже перестал расти и только подрагивал. Внутри его колыхалась какая-то муть, будто серый туман едва шевелил ветерок.

Ульрих глядел из окна в бинокль на своего товарища, медленно поднимающегося к странной сфере. Потом они еще обязательно посмотрят на запись камер наружного наблюдения — любопытно же, как она появлялась. Не забывал главный по станции и про приборы, но тут все было привычно и отработано до автоматизма. Земля периодически вздыхала и ранее — собственно, для этого и была поставлена станция.

Генри остановился почти у сферы, достал фотоаппарат.

— Это что-то невероятное, Ули. Чудо какое-то, — прогудел голос напарника в наушнике — в бинокль старший видел, как тот снял перчатки, поднял очки. — Надо бы сообщить в МагКонтроль, как думаешь?

Голос его в наушнике был трескучим, пропадающим — геомагнитные колебания всегда добавляли лишние шумы в эфир.

— Что ты видишь?

— Внутри туман какой-то, как сквозь запыленное стекло смотришь. Двигается что-то, Ули.

Нюх у начальника станции всегда был на высоте, и в голове снова зазвенело, предупреждая об опасности.

— Уходи оттуда, Генри! — напряженно потребовал он в микрофон. — Немедленно!

— Да подожди, — недоуменно и весело отозвался друг, — сейчас я.

Инляндец увлеченно щелкал фотоаппаратом, заходя спиной к солнцу и отдаляясь от снегохода.

— Уходи, кому сказал!

— Иду, иду, — пробурчал товарищ, повернулся спиной к «цветку» и побрел к снегоходу, на ходу отсматривая кадры. Ульрих опустил бинокль, присмотрелся, нахмурился. Поднял его и выругался.

— Бегом, Генри! Там какая-то хрень лезет! Бегом!

Генрих оглянулся, замер на мгновение — и помчался, ловко перебирая ногами по начавшему осыпаться снегу. До снегохода оставалось метров пять, когда из бывшего «пузыря» полностью показалось *это* — длинная, тонкая тварь, похожая на чудовищное насекомое, с узким длинным хоботком, будто бы утиным клювом. Это мог бы быть паук или водомерка, если бы только пауки могли передвигаться на коротеньких ножках, иметь длинное тело, много глаз на круглой башке и «клюв».

Заревел снегоход — чудовище, пробующее хоботком снег, подняло голову, присело, поджав ноги, и вдруг прыгнуло — и опустилось аккуратно на то место, где мгновение назад стоял горный транспорт. Старший снова бросился к телефону.

— Тревога, тревога! Нужна помощь магов. Здесь чудовище, похожее на паука, нужна помощь, нужна помощь!!!

— Ули, ты упился там, что ли? — раздался насмешливый голос оператора.

— Да.....!..! — выругался блакориец, наблюдая, как по склону несется снегоход, а за ним прыжками двигается гигантский клювастый паук, скользит по снегу, катится кубарем, снова встает, оглушенно тряся башкой. — Я трезв как стеклышко! Тварь пытается сейчас раздавить Генри! Мать твою, Оливер, если ты не передашь информацию, я тебе шею сломаю!

— Спокойно, Ули, — уже серьезнее ответил оператор. — Записываю. Еще раз, давай диктуй.

Огромная тварь припала на передние лапы; хоботок как-то вытянулся, потом сжался, как пружина, — и плюнул длинной толстой нитью, врезавшейся в снегоход. Машина дернулась назад, Генрих полетел кувырком, матерясь в микрофон, поднялся и резво побежал к зданию — оставалось уже совсем недалеко. Пауцище тоже приближался, и чем ближе, тем невероятнее казались его размеры — с три кабинки от фуникулера, не меньше. Если прыгнет на здание, мало что останется.

— Увидели огромный радужный пузырь, будто из стекла, сразу после землетрясения, — быстро говорил Ульрих, вытаскивая из снаряжения толстенную трубку — ракетницу для сбивания лавин. — Генри поехал посмотреть, что там такое. Когда подъехал, оттуда вылезло чудовище. Похоже на паука, только огромного, — он ногой открыл дверь, прицелился — тварь как раз прыгнула, и снизу было хорошо видно ее блестящее хитиновое брюхо. Друг бежал, что-то орал, но Ули не слушал — тщательно выцеливал, понимая, что второго шанса не будет. — Сейчас пытается раздавить Генри. Будем в подвале. Быстро предупреди, иначе он пообедает нами и пойдет в город или к курорту.

Щелкнул курок, ракета с гулом вылетела из ствола, врезалась в блестящее брюхо — паук завопил, задергал в воздухе лапами, тяжело рухнул вниз и закрутился на месте, оттирая брюхо о снег. Товарищ забежал в дверь, лицо его было белое-белое, несмотря на многолетний загар.

— В подвал, — скомандовал старший, захлопывая дверь — паук уже снова припадал на передние лапы, готовясь плюнуть, и буквально через пару секунд после закрытия в дверь гулко ударило снаружи, да так, что она затрещала. Мужчины похватали рации, маячки, спустились в подвал, задраили его.

— Ульрих, Ульрих, прием, — затрещало в микрофоне, — сигнал передан, держитесь.

— Держимся, — напарники поглядывали друг на друга в тусклом свете единственной лампочки. — Поскорее бы... святые угодники!!!

На домик обрушился удар — замигал свет, погас, сверху заскрипело, с грохотом посыпалось.

— ...Поскорее! Иначе сейчас пойдет к вам!

Через пять минут после передачи сигнала в городке у подножия горы появился отряд боевых магов из подразделения оперативного реагирования. Жители городка спешно баррикадировались в подвалах, хотя земля еще подрагивала и высока была опасность повторных сильных толчков. Чудовищный паук прыжками спускался к поселению — на подходе его и «приняли», накрыв стазисом и вморозив в ледяную глыбу. И до конца дня к сверкающей глыбе — пока решался вопрос о том, что с ней делать, — шли горожане и любопытствующие туристы. Выглядывали издалека, из-за оцепления, пытались рассмотреть что-то за толщей мутного льда, взволнованно переговаривались, строили версии, что произошло и кто это там заморожен. Оператор Оливер на все вопросы отмалчивался и глубокомысленно таинственно хмыкал.

Сейсмологов откопали из-под завалов бывшей станции, осмотрели на предмет повреждений, и, не дав очухаться, провели допрос, изъяли съемки камер наблюдения и фотоматериалы. И отправили пострадавших во внеплановый отпуск с пожеланием не распространяться о произошедшем. Вокруг чудовищного экспоната был оперативно выстроен ангар, и туда через несколько дней лично в сопровождении ученых и магов прибыл его величество Гюнтер. Осмотрел — почти весь лед уже срезали, оставив только прозрачный параллелепипед, — задумчиво покачал головой и разослал приглашения коллегам-монархам на внеплановый Королевский совет. В Блакории это был первый случай появления подобной твари.

26 ноября, суббота, Блакория

Василина

Блакорийский дворец Гюнтера всегда напоминал Василине добротный приземистый дом, построенный широкой буквой П и обнесенный высокой стеной с башнями. Только очень-очень большой дом, размером с маленький поселок. В принципе, весь Рибенштадт был таким, приземистым и укрепленным. Резиденция блакорийских монархов, сложенная из серого камня, с треугольной крышей над главным входом и покатыми, ребристыми покрытиями на длинных крыльях строения (чтобы обильной зимой снег сам съезжал вниз), с толстыми трубами, покрытая у фундамента пятнами мха, ныне черного от мороза, увитая кое-где лозой, была очень живописна, хоть и напоминала огромный дом лавочника, а не королевский дворец.

Но Гюнтер относился к месту обитания своих предков со всем возможным трепетом,

осовременивать его снаружи не разрешал, да и внутри переделки были минимальны — только чтобы достичь необходимого комфорта.

Так что высокие гости короля Блатории, приглашенные на внеочередной Королевский совет, сидели сейчас в небольшом зале с низкими потолками и широкими окнами и могли любоваться на белые от снега крыши противоположного крыла. За окном было ясно, снег так и блистал и настроение создавал праздничное, солнечное. Мебель в помещении была старинной, массивной, и кресла, покрытые мягкими шкурами, были такие, что даже десять человек не подняли бы — будто вырезанные из цельных толстенных дубов. Казалось, они приросли к полу, эти кресла, — настолько старыми они казались. Горел большой камин, и на полу лежали тонкие шкуры, и стены между узкими коврами были расписаны сценками охоты, уже поблекшими. Все выглядело очень просто и значимо — Гюнтер показывал свое радушие, принимая коллег не в официальной обстановке, а в старой части замка Блатори.

Василина пришла по срочному вызову блаторийского монарха из Лесовины, и сейчас монархи ждали только царицу Иппоталию. Наконец появилась и она, чарующе улыбнулась мужчинам, вставшим при ее появлении, расцеловала Василину и села в свободное кресло. Все выжидающе поглядели на нее.

— Что, — улыбнулась царица лукаво, — у всех разведка сработала на отлично? Так, может, вы и расскажете? Дорогой император?

— Мои люди не смогли пока проникнуть в Пески, — мелодично, но с явной неохотой сообщил император, — поэтому вся надежда на тебя, сестра.

Его лицо было совершенно каменным, но разочарование человека, имеющего лучшую разведку в мире, угадывалось легко. Гюнтер усмехнулся этому разочарованию и подмигнул Иппоталии.

— Ты нас обскакала, Тали, так что рассказывай.

— Прошу, Иппоталия, — сухо и строго добавил Демьян Бермонт, — повестка дня у нас совсем другая, и я рассчитывал на определенное время.

— Да, Демьян, — ласково сказала царица и улыбнулась ему. И губы бермана дрогнули на мгновение. Василина восхитилась про себя — ей бы так управляться с окружающими. Она все еще чувствовала себя неловко в окружении более опытных коллег, однако никогда не показала бы этого.

Всем не терпелось узнать новости, и один лишь эмир Тайтаны сидел с полуулыбкой, благоухая духами, блистая кольцами и золотым поясом, и выглядел так, будто готов просидеть здесь вечность.

— Так получилось, — начала царица уже деловым тоном, выдержав необходимую паузу, — что ко мне прилетел один из драконов Песков. По личному вопросу.

— Это по какому личному вопросу? — перебил ее блаторийский монарх. Талия укоризненно посмотрела на него и покачала головой. Все сделали вид, что ничего не заметили.

— И отнес меня в Пески, — продолжила царица. — По сути, жизнь кипит только на крошечном пространстве среди безжизненной пустыни. Жив один город, Истаил, в нем много людей. Управляет городом Владыка Нории Валлерудиан. Мне был оказан самый лучший прием. Владыка адекватный, хотя понятия и манеры у него несколько архаичные, готов к сотрудничеству со всеми странами. Насколько я поняла, они налаживают контакты с Рудлогом, — она посмотрела на Василину, и королева кивнула под заинтересованными взглядами коллег. — Родовая сила у него очень мощная, он управляет и Жизнью, и Водой и

равен нам. Поэтому считаю возможным рекомендовать его приглашение на следующий Королевский совет. Выгоды каждый может просчитать для себя. Что вы скажете?

— Я поддерживаю, — сказала Василина. Остальные молчали, раздумывали. — Я общалась с младшим братом Владыки, и он произвел на меня самое благоприятное впечатление.

— Они похитили твою сестру, Василина, — занудно напомнил Луциус Инландер. — Несмотря на то, что он брат мне по отцу, методы меня настораживают.

— Это недоразумение разрешилось, как вам всем известно, — спокойно пояснила королева Рудлога, — я приняла их доводы, хоть мы пережили весьма неприятный период. Сестра утверждает, что к ней относились со всем почтением. Более того, она решила участвовать в восстановлении отношений Рудлога и Песков. Полагаю, если бы у нее имелась хотя бы тень недовольства, она бы не была столь заинтересована в диалоге.

— Я поддерживаю, — весомо высказался Хань Ши и для пущей значимости сложил руки в рукава халата. — Драконы издревле почитались в Йеллоувине как дарители жизни, и я счастлив, что легенды оказались правдой.

Эмир Персий лениво шевельнул пальцами.

— Рад, братья мои и сестры, такому единодушию. Как я могу быть против? Мы уже ведем с ними торговлю, и это очень выгодно для Тайтаны.

Он закончил и оглядел всех с превосходством. Монархи вежливо улыбались конкуренту.

— Да-да, конечно, — любезно проговорил Гюнтер. — Демьян?

Бермонт покачал головой.

— Я бы предпочел иметь больше информации, поэтому я против. Предлагаю перенести решение.

— Соглашусь с Демьяном, — сухо поддержал его Инландер. — Новый политический игрок, которого мы в принципе не знаем. Подождем год и решим тогда.

— А я за, — весело сказал Гюнтер, — мне достаточно слова Тали. И твоего, Василина. И конечно, твоего, дорогой эмир.

Персий величественно кивнул и прикрыл глаза. Похоже, он едва сдерживался, чтобы не зевнуть.

— Итак, — заключил Гюнтер, — большинство за. Значит, на следующий совет зовем дракона. К тебе, Демьян.

— Я помню, — ровно ответил Бермонт. — После свадьбы.

— Кстати, о свадьбах. — Все повернулись к заговорившему Луциусу. — В прессе об этом уже было, но я официально сообщаю вам, что помолвка герцога Дармоншира и Ангелины Рудлог подтверждена обеими сторонами. Я сильно рассчитываю, что затягивать с нею не будут.

И он с прозрачной настойчивостью посмотрел на Василину.

— Это зависит от их решения, Луциус, — сдержанно сказала королева. Не говорить же, что она категорически против.

— Можно же форсировать его, сестра, — без обиняков высказался король Инляндии.

— Можно, — согласилась Василина, — но я не буду этого делать. Для нас тоже важен этот брак, Луциус, но одна поспешная свадьба в доме Рудлог уже есть, — присутствующие с пониманием покосились на невозмутимого Демьяна, — поэтому здесь я считаю важным соблюдение приличий.

Инландер недовольно поджал губы и неохотно кивнул.

— Коллеги, — напомнил Бермонт суховато, — давайте перейдем к повестке дня. Гюнтер, что ты хотел сообщить нам?

— Да, — блакорийский монарх встал, взял со стола пачку фотографий и раздал их присутствующим. Государи смотрели с интересом; только один император взглянул мельком, будто уже видел это.

— Вот эта тварь во вторник появилась у нас рядом с Льеном, после землетрясения. Камеры сняли портал — вы видите его на следующей фотографии. До этого прорывы у нас бывали, но либо никто не появлялся, либо живность была гораздо мельче и безопаснее. И никогда — в этом месте; обычно — куда ближе к границе с Бермонтом, к вулканической цепи. Демьян, ты видел таких?

— Один раз, — подтвердил Бермонт. — Я понимаю, о чем ты, Гюнтер. Да, у нас прорывы участились. Постоянно ведем мониторинг у населенных пунктов в предгорьях, давно работает армейская служба срочного реагирования. Думаю, часть этих тварей мы просто не видим — они либо залезают туда, откуда выползли, либо замерзают в горах.

— Необходимость в создании такой службы, видимо, назрела у всех, — сказала Василина, рассматривая паукообразное чудовище и чувствуя внизу живота неприятный холодок страха — слишком свежи были воспоминания о тха-охонге на ее дне рождения. — Спасибо за информацию, Гюнтер. Я сегодня же подпишу распоряжение. В Северных горах это проще, там немного поселений у самых пиков. А вот в Милокардерах очень много горных селений, все отследить невозможно.

— Не это главный вопрос, — мелодично и наставительно произнес Хань Ши. Ему прощали этот тон — все-таки он был старейшим из всех правящих монархов в мире. — Главный — временное ли это явление, или количество прорывов будет увеличиваться, как и поднятие нежити. И не связаны ли эти два процесса, братья мои и сестры. Вопрос нужно решать общими усилиями, иначе, боюсь, мы окажемся на пороге катастрофы. Предлагаю объединить службы мониторинга и обмениваться сведениями. Это будет на пользу нам всем. Демьян, а от твоих военных желательно получить список видов этих существ и способы борьбы с ними.

Бермонт задумался и неохотно кивнул. Он не любил делиться информацией.

— Следующий вопрос по заговорщикам, — снова заговорил Гюнтер. — Вынужден признать, что расследование буксует. Тот, кто советовал девчонке купить манок, убит, магазин, в котором она его покупала, сгорел. Я сам ментально прочитал ее — но никаких зацепок, кроме имени этого советника, чтоб его. Проверяем его контакты, всех родственников читают менталисты — они чисты. Так что пока нечем вас обрадовать. Василина, может, ты поделишься успехами своих спецслужб?

Королева покачала головой.

— Расследование еще идет, отчета жду со дня на день, коллеги. Об успехах говорить рано. Как только будет отчет, я поделюсь.

— Плохо, — вежливо высказал общее мнение Хань Ши, и она почувствовала себя школьницей на уроке. Улыбнулась сдержанно и пожала плечами.

— Моя разведка делает все, что может.

— Я не упрекаю тебя, сестра, как и тебя, Гюнтер, — мелодично пояснил император, — но всех призываю к осторожности. Мы дали нашим врагам достаточно времени, чтобы оправиться и решиться на новый удар. Нужно быть начеку.

И он легко и наставительно поднес указательный палец к уголку своего узкого глаза.

Мариан ждал свою королеву в выделенных им комнатах здания военной части в Великой Лесовине. Сюда они прибыли с утра, и отсюда же начнется поездка королевской четы по Северу. Конечно, они с сопровождающими придворными могли бы разместиться в любой из гостиниц, да и губернатор был бы счастлив предоставить свой дом, но по традиции королевская семья становилась вровень со служащими им офицерами.

«Они должны видеть, что мы относимся к армии без пренебрежения, — наставляла дочерей королева Ирина, — поэтому мы должны жить там, где живут они, есть то, что едят они».

— Справилась? — спросил муж, когда Василина вышла из телепорта и, коротко поблагодарив открывшего проход мага, отпустила его.

— С каждым разом все проще, — со смешком поделилась королева, снимая длинный серый жакет и расстегивая верхние пуговицы белоснежной рубашки, приятно пахнущей чистотой. — Я, кажется, поняла секрет: надо сидеть с невозмутимым лицом и по большей части молчать. Там есть кому поговорить.

Принц-консорт усмехнулся. Он был в парадной форме — впереди речь супруги перед построением, парад, награждение частей и торжественный обед с высшими военными чинами. И уже после этого, когда наевшиеся генералы и полковники смогут подремать у себя в кабинетах, королева навестит больницы Лесовины, пообщается с горожанами — чтобы узнать, как продвигается реставрация домов, ведь этот город больше всего пострадал от прошедшей серии землетрясений. А уже завтра они выдвигаются в первую из запланированных к посещению частей в глубинке Севера. И на неделе будут недалеко от имения Байдек.

— Странно быть здесь и не захватить домой, — сказала Василина словно в ответ на его мысли, подошла, осторожно потерлась щекой о его плечо — чтобы не запачкать китель помадой. — Хотя бы переночевать. Я там душой отдыхаю, Мариан.

— Если захочешь — заедем, — ответил он спокойно. — Здесь тебя так любят, что поймут.

Она со вздохом покачала головой, отошла и стала раздеваться. Нужно было успеть принять душ до того, как придет стилист, чтобы поправить ей прическу и макияж.

Ровно в два часа дня королева в сопровождении Мариана, офицеров и придворных вышла на трибуну, установленную на центральной площади Великой Лесовины. Подняла руку в приветствии, заулыбалась — огромные экраны демонстрировали ее мягкую улыбку военным и собравшимся у ограждений, несмотря на холод, жителям северной столицы. Василина была одета в строгое теплое пальто шинельного типа, светлые кудри придерживала аккуратная шляпка. Загрохотали барабаны, зазвенели трубы — и ее величество едва не дернула плечами, но спохватилась, чтобы не ежиться от волнения. Перед ней, выстроившись для прохождения парада прямоугольниками, стояли тысячи служивых всех родов войск. Был там и Егерский Северный полк, в котором служил Мариан и чью эмблему надел, несмотря на то что нес службу сейчас в гвардейском королевском полку. История повторялась — только десять лет назад говорила она перед десятками солдат и офицеров на Форелевой заставе, а сейчас их было больше, гораздо больше, и все, вытянувшись, ждали, что она им скажет.

Королева подняла глаза к солнцу на ясном северном небе, выдохнула как можно незаметнее и подошла к микрофону. Площадь замерла.

— Мои верные солдаты и офицеры! Счастлива приветствовать вас!

Ее звонкий глубокий голос разнесся по площади, побежал по улочкам старого города, отражаясь от покосившейся Часовой башни, от стен домов. И прямоугольники, состоящие из тысяч людей, дрогнули, загудели и рывкнули хором так, что задрожали мостовая и трибуна под ее ногами:

— Здра-вия же-ла-ем, ва-ше ве-ли-чест-во!

Василина подождала, когда смолкнет вибрирующее эхо приветствия, и продолжила:

— Сегодня, спустя два месяца после восстановления монархии в Рудлоге, я прибыла сюда, чтобы возродить важнейшую традицию — королевскую дань уважения к армии, защищающей нашу землю. Но не только для этого! — горячо сказала она в микрофон. — Я приехала, чтобы поблагодарить вас за верность в тяжелую годину испытаний для нашей страны, верность и стойкость! Не умаляя заслуги других военных частей, оставшихся на стороне правящего дома, хочу отметить, что именно войска Севера выступили единым фронтом против заговорщиков, проливших столько крови. В том числе и кровь моей матери, ее величества королевы Ирины-Иоанны.

Она замолчала — голос все-таки дрогнул. Молчали и солдаты, молчали жители, глядя на скорбно изогнувшиеся губы молодой королевы и вспоминая давние страшные события, и тишина становилась звенящей, оглушающей.

— Я хочу, чтобы вы знали, — начала Василина тихо, но голос ее креп с каждым словом, — семья Рудлог не забыла вашей преданности! Именно здесь, на Севере, мы нашли приют и защиту тогда, когда они были нам необходимы. Ни один человек из нашего окружения не выдал нас! Именно здесь я встретила своего супруга, достойного сына этой прекрасной земли и вашего сослуживца, — камеры выхватили стоящего рядом с ней барона Байдека, — здесь родились мои дети. Север занял прочное место в моем сердце, и, несмотря на то что я приняла корону и вернулась в дом моей семьи, эта земля воистину стала моим вторым домом!

Люди слушали внимательно, и Василине с трибуны уже казалось, что она четко видит их — кивающих, ловящих каждое ее слово, и ей было радостно от этого и немного страшно.

— И вот вам мое слово, — торжественно провозгласила королева в завершение, — сегодня все части Севера получают на свои знамена специально учрежденный орден Верности и звание «королевская». И в знак памяти и признательности от семьи Рудлог наследник короны в каждом поколении будет проходить службу в одной из частей Севера! Поздравляю вас! И спасибо!

Она говорила вдохновенно, от души, отступая от написанной и выученной речи, раздумываясь — и была необыкновенно хороша, и не столько слушали ее, сколько смотрели на экраны, на ее блестящие глаза, светлые локоны и розовые от мороза щеки. Была ли она величественной? Возможно. Но совершенно точно она была близкой и понятной. Перед ней не трепетали, но ею любовались, в нее влюблялись и готовы были сейчас же пойти на край света — если вдруг ее величеству захочется отдать такой приказ.

Королева отступила от микрофона; снова зазвучали барабаны, и части гулко замаршировали на месте, разворачиваясь, и под грянувший оркестр пошли мимо трибуны одна за другой, на ходу приветствуя свою королеву. Василина подняла руку, улыбаясь, рядом с невозмутимым лицом стоял муж, от бесконечных «Долгие лета, ваше величество», перекатывающихся от одной марширующей части к другой, заболели виски — а она все махала, улыбалась и кивала, пока последний грохочущий подошвами прямоугольник не

прошел мимо и не ушел по главной улице с площади, и не затих оркестр.

Тогда-то она и почувствовала, что спина у нее вся мокрая и что планируемый обед будет очень кстати — желудок сводило от голода, будто нервы сожрали всё, что оставалось там с полудня.

— Опять переодеваться, — со вздохом сказала Василина мужу, когда Мариан подал ей руку, чтобы проводить с трибуны. — Как я?

— Великолепно, — серьезно ответил он. — Я женат на великой женщине.

— Которая, — ответила она так же серьезно, — озверевает, если не пообедает. Как самая простая и не великая.

На следующее утро, в воскресенье, когда королевская семья с сопровождающими уже собралась выезжать в одну из выбранных для посещения частей, Василине позвонил отец. И рассказал о том, что он увидел и услышал в Орешнике. Пока он говорил, лицо королевы темнело — накануне, при посещении больниц, к ней подходили люди, благодарили за быструю помощь в восстановлении домов и лечении, а она любезно отвечала: «Рада, что все налаживается. Спасибо, что поделились». И на таком контрасте звучало то, о чем говорил Святослав Федорович, что она совершенно расстроилась. И разозлилась.

Машины были уже готовы — по-хорошему, можно было бы перейти телепортом, так как часть находилась к югу от Лесовины, а искажались порталы только в горах, — но лицемерие гражданами вереницы машин было неотъемлемой частью визита. И барон Байдек, усевшийся рядом с супругой в автомобиль, молча слушал, как звонит она премьеру Минкену, обрисовывает ситуацию и просит организовать объективный мониторинг работы комитета по устранению последствий чрезвычайных ситуаций. Пока — по Иоаннесбургской области, а в течение двух недель — по всем пострадавшим регионам.

— И, конечно, — добавила она, морщась от странных завывающих звуков из динамика, — я очень рассчитываю, что ответственные лица не будут знать о проверке, Ярослав Михайлович. Отчет по области должен быть у меня так срочно, как возможно.

— Обязательно, ваше величество, — невозмутимо ответил премьер по громкой связи, — я отдам все распоряжения. Виновные понесут наказание, я и сам готов...

Где-то на фоне раздался мужской одобрительный гомон, восклицания: «Нет, ну как он, мать ее, вытянул! Килограмм шестнадцать, не меньше...» — и сочный восхищенный мат.

— Извините, ваше величество, — попросил премьер и, видимо, прикрыл рукой трубку — звуки и голоса стали глуше.

Королева выразительно помолчала, Байдек улыбнулся и одними губами пояснил: «Зимняя рыбалка». А выл в динамиках, по всей видимости, ветер.

— Полно, Ярослав Михайлович, — сказала она уже мягче, хоть и не переставая хмуриться, — уверена, что вы всё, что должны были, сделали. Остальное узнаем по результатам аудита. Отдыхайте. До свидания.

— Вы можете беспокоить меня в любое время дня и ночи, моя госпожа, — любезно откликнулся Минкен, — и я поддерживаю ваше возмущение. Благодарю, что не стали рубить сплеча, а решили разобраться. Отдаю вам должное.

Он попрощался, и Василина отключила громкую связь.

— Вот старый лис, — с досадой пожаловалась королева мужу, — и похвалил, и нравоучение высказал.

— Он предан тебе, — сказал Мариан и подsunул большую руку ей за спину — она расслабленно улеглась мужу на плечо, прижалась. Машина гудела, за окном мелькали дома

Лесовины, водитель за стеклом был невозмутим. — Это самое главное. А что учит — так сама знаешь, это только на пользу.

* * *

Лорд Максимилиан Тротт аккуратно поставил свежеприготовленные капсулы с сильнейшим тонизирующим в сушилку, включил таймер на двадцать минут. Аккуратно протер рабочую поверхность, снял латексные перчатки — и недовольно поднес руку к виску, оперся на стол. Опять закружилась голова, и даже удовлетворение от окончания проекта не могло перебить проклятую слабость. Она преследовала его всю неделю. И неудивительно: вместо того чтобы восстанавливаться, он занимался снятием блоков, драками с драконами, выносил истерики капризных принцесс — и финальным аккордом стала работа с малолетними темными, которых тоже требовалось вскрыть.

Он так вымотался, что к потерявшим чувство меры студентам не испытывал никакого сочувствия — только раздражение, что они не дают ему отдохнуть. Впрочем, он и в бодром состоянии не выносил человеческую глупость. А что может быть глупее утраты контроля над собой?

Так что, когда он вошел в камеру на первое «вскрытие», единственным желанием было закончить это все поскорее и больше никогда с вотчиной Тандаджи не связываться.

— А это не больно? — со страхом спросила его одногруппница Богуславской. Она вообще дрожала как ненормальная и смотрела на него со смесью недоверия, опаски и робкой надежды. Тротту стало муторно от этой надежды — будто девчонка ждала, что он сейчас махнет рукой и выпустит ее из камеры.

— Нет, — ответил он сухо. — Ложитесь.

Первокурсница еще немного повглядывалась в его лицо и вдруг вздохнула с обреченностью. И заплакала. Макс поморщился и поспешил ее усыпить. Хватит с него рыдающих малолеток.

Ее аура была смята, размыта щитом Марта, так что магический дар восстановится не скоро, как и потребность питаться чужой энергией. Но все равно он усыплял ее с осторожностью и, распутывая блок, был постоянно начеку. Сущность не обманешь — при таком плотном контакте она просто не могла не потянуться навстречу. И Макс, почувствовав легкое прикосновение, почти бережно отвел его, продолжая снимать блок Соболевского. И потом еще задержался — считал воспоминания и, убедившись, что ничего опасного в них нет, разорвал ментальный контакт.

Со вторым, Эдуардом, было сложнее. Парень был агрессивно настроен и на слабеньких остатках своей силы пытался выстроить щит.

— Не тратьте силы зря, — предупредил его Тротт терпеливо, — я все равно сломаю, и будет хуже. Дольше придется восстанавливаться.

— Да какая теперь разница, — угрюмо пробурчал семикурсник. — Лучше уж сразу убейте.

Он настороженно наблюдал за профессором — как тот протирает руки салфетками, подходит к нему. Из-за толстого стекла камеры их видели следователи, и ощущение лишних взглядов Макса дико раздражало.

— Разница, — пояснил профессор ледяным тоном, — в том, проживете вы остаток

жизни ничего не соображающим идиотом или полным сил мужчиной. Жизнь при монастыре не так плоха, в будущем вы получите свободу передвижения.

— Да как вы не понимаете!!! — крикнул студент зло. — Я хотел быть магом! Я же не виноват, что это сильнее меня! Никто не может справиться, и я не смог!

— Молодой человек, — резко сказал Макс, — во всем, что с нами происходит, виноваты мы сами. Главное — воля. Прекращайте представление; сочувствия от меня вы не дождетесь. Снимайте щит и ложитесь. Штатный психолог в управлении есть, я же здесь совсем для другого.

Сидящий на койке парень упрямо укреплял щит дополнительными плетениями, и Тротт вздохнул, потянул за одну нить — защита тут же посыпалась. Упрямец побледнел и задыхался часто — профессор, более не церемонясь, устанавливал ментальный контакт. Тут же ощутил потянувшиеся к нему темные щупальца — и резко ударил по ним. Для нападавшего это прозвучало гулким предупреждающим рычанием, и глаза его, уже мутные, изумленно раскрылись.

— Зачем... почему вы делаете это? — прошептал он с недоверием. — Вы же...?

— Спать, — ровно приказал Тротт, и излишне болтливый темный свалился на койку. А инляндец, морщась, начал распутывать блок. Надо было еще просмотреть память и подчистить последний разговор. И любые воспоминания о Нижнем мире, если они есть.

Но их не было, и измученный лорд Тротт только нелюбезно кивнул на благодарности Тандаджи, из последних сил открыл Зеркало и ушел в свой дом с разбитыми стеклами — восстанавливаться.

Голова никак не переставала кружиться, и он потянулся к шкафику, привычно уже нащупал усилитель, набрал темно-оранжевую жидкость в шприц и вколол себе в плечо. Тут же полегчало; Макс выпил воды, взглянул на часы — время еще было — и открыл Зеркало в Королевский лазарет Иоаннесбурга.

Дежурная сестра смерила Тротта настороженным взглядом. Инляндец сухо поздоровался и попросил разрешения навестить пациентку Светлану Никольскую.

— У нее посетители, — сообщила сестра, выдавая Максу халат и бахилы. — Подождете или сейчас зайдете?

— Сейчас, — ответил он с недовольством, наклоняясь и натягивая бахилы. В лаборатории снова кипела работа, и у него было ровно двадцать минут. — Мне только просканировать ее.

— Вообще у нас не разрешено, — с сомнением сказала пожилая женщина, — у нас свои виталисты.

— У меня особый случай, — с невероятным терпением пояснил Тротт, накидывая халат на плечи. — Есть согласие наблюдающего врача. Посмотрите в карте пациентки.

Еще минут пять он стоял у стойки — медсестра искала карту, в карте — предписание, — и думал о том, что в следующий раз просто телепортируется напрямую в палату глухой ночью и не будет терять время.

Женщина наконец прочитала предписание — Тротту казалось, что она чуть ли не по буквам читает, — и соизволила поднять глаза.

— Извините, профессор. Проводить вас?

— Не стоит, — сказал он мрачно. Двигается она наверняка тоже по-черепаши.

У двери он остановился, догадываясь, что за посетителей там застанет. В палате

творилось какое-то безобразие — доносилась ритмичная клубная музыка и подпевающий певцу звонкий голос Богуславской.

Твои глаза как солнце, о-е-е-е,
Иди ко-о-о мне, иди ко мне, ко мне,
Детка-а-а, я так обнять хочу тебя,
Дыши в ритм со мной, детка, детка!

И сердитое:

— Матвей! Ну чего ты не поешь?

Макс открыл дверь — принцесса громко и сосредоточенно выводила второй куплет прямо в ухо спящей Светлане, Ситников смотрел на нее глазами влюбленного идиота. Почему-то выражения лиц у влюбленных и пациентов дурдомов очень похожи. Семикурсник увидел наставника, моргнул, и лицо его приобрело осмысленное выражение. Алина тоже оглянулась, тут же надулась и выключила музыку.

— Добрый день, профессор, — пробасил Ситников. Принцесса не поздоровалась, смотрела неприязненно.

— Для кого добрый, а для пациентки не очень, — хмуро ответил Макс, наблюдая, как Богуславская пробирается к парню и берет его за руку. — Вы зачем позволяете издевательства над сестрой, Ситников?

Он ожидал, что девчонка вспыхнет, скажет что-нибудь возмущенное в ответ, но она только поджала губы и прищурилась. Зато смутился его ученик.

— Мы изучали литературу по случаям комы, профессор, — пояснил он размеренно, — и Алина нашла информацию, что были случаи, когда толчком для пробуждения являлись знакомые звуки, любимые песни. Вот, попросили родителей принести записи Светкины и решили дать послушать.

— Понятно, — язвительно сказал Макс, проводя руками над бесчувственной драконьей невестой. Или женой? — О том, что любые резкие раздражители могут способствовать коллапсу мозга, вы не прочитали, — он задержал руки над животом, прислушался, прикрыв глаза. С ребенком все было нормально, а вот мышцы уже слабели — нужно будет настоять на интенсивных принудительных занятиях. Пусть массаж сделают, погибают руки-ноги, поворочают, иначе атрофируется все и проблем не избежать.

— Мы спросили у врача, — не выдержала принцесса. — Он был не против.

— Вы думаете, он мог бы вам отказать? — насмешливо спросил Тротт, поднимая глаза. Она медленно краснела от злости. Нахмурился — что-то с пятой Рудлог было не то. Похудела, причем резко, за какие-то несколько дней. И — он присмотрелся — аура плясала какими-то клочками на уровне живота, пульсировала едва заметно.

— Вы ничего не принимали? — поинтересовался он, направляясь к раковине — помыть руки.

— А это не в-ваше дело, — возмущенно ответила Богуславская ему в спину.

— Не мое, — согласился он вежливо, — нижайше прошу меня простить, ваше высочество.

Зашумела вода. Мимо него раздраженно простучали девчоночьи каблукы, хлопнула дверь.

— Профессор, — гулко и серьезно сказал Ситников за его спиной, — не трогайте ее.

— Успокойтесь, Ситников, — холодно отозвался Тротт, вытирая руки. — Вы, кстати, подумали по поводу предложения Четири? На вашем месте я бы не стал отказываться от уникальной возможности учиться у мастера.

— Я пока у вас учусь, — неохотно ответил семикурсник. — Мне хватает.

— Я и десятой доли вам не дам, — Макс повернулся — студент нависал над ним горой, хмурый и злой. — Поверьте мне. И не смотрите на меня так, Ситников, идите лучше утешайте вашу принцессу. С такими нервами ей только магию изучать. И, — добавил он, — если вы друг ей, узнайте, не принимала ли она что-то из магпрепаратов. Я ее предупредил, но мало ли что в эту голову взбредет.

На часах Тротта пикнул таймер — до конца работы сушки осталось пять минут.

— До свидания, — сказал инляндец, открывая Зеркало. Ситников не ответил — он нехорошо и мрачно смотрел на своего наставника, задумчиво так, настороженно. Как будто решал важную задачу и не мог никак сопоставить факты. Но Тротт этого не видел — он с облегчением шагнул в полумрак своей гостиной и поспешил в лабораторию.

Через полчаса работы он выругался сквозь зубы — в голове крутилась дурацкая песенка, услышанная в палате Никольской. Надел широкие наушники и включил любимый тяжелый рок — грохочущие басы и скрежет мгновенно изгнали и навязчивый ритм, и все мысли, не касающиеся исследований.

А вечером, когда голодный и уставший Макс вышел из лаборатории, обнаружил на телефоне несколько пропущенных вызовов. Звонил заведующий кафедрой математики и магмеханики Николаев, и Тротт, посчитав статус звонившего недостаточной причиной, чтобы отложить ужин, принял душ, поел, удобно уселся в кресло и только после этого перезвонил.

— Лорд Тротт, — с неловкостью поздоровался старенький профессор, — спасибо, что перезвонили. Есть ли у вас время поговорить?

— Если бы не было, вы бы меня не услышали, — сухо ответил Макс. — Срочный вопрос?

— Да, — сокрушенно вздохнул завкафедрой. — Я хочу просить вас подменить до конца семестра преподавателя основ стихийных закономерностей у первого курса. Она была беременна, — Макс вспомнил доцента с опухшим лицом и большим животом, постоянно рассказывающую педсоставу о своем самочувствии, — мы все рассчитывали, что она родит после экзаменов, но роды, к сожалению, начались на восьмом месяце, прямо во время занятий.

— Очень непредусмотрительно с ее стороны, профессор.

— Э-э? — растерялся заведующий. — Да! — горячо воскликнул он. — Да! Она нас очень подвела. Большинство ее предметов мы раскидали по преподавателям, остались только основы. И кроме вас некому, коллега. Я бы не стал просить, зная, как вы заняты, но у меня нет выбора.

— Боюсь, не могу вам помочь, — с досадой на неожиданную просьбу ответил Тротт. — У меня нет на это времени.

— Да, да, конечно, — грустно пробормотал старик, — я тогда сам, сам. Простите, лорд Тротт. Э-хе-хе...

Макс сжал кулак и постучал им по колену. Николаев вел у них предметы на первом

курсе и был тогда розовощеки́м кандидатом наук. Сейчас он уже казался совершенной развалиной, большую часть времени дремал у себя в кабинете, и Алекс держал его то ли из жалости, то ли из сентиментальных чувств.

— Дамир Абсеевич, — позвал Тротт недовольно, сам себя презирая в этот момент, — я просмотрел ежедневник. Два часа в неделю дополнительно я могу выделить. Но только до конца семестра. Дальше ищите другого преподавателя.

— Конечно! Конечно, голубчик! — радостно возопил старик. — Там предмет-то простейший, вам и восстанавливать ничего не придется. Примете экзамены и будете свободны! Выручили меня, выручили! Я сейчас же пришлю вам материалы и план занятий, ждите!

Макс вежливо послушал многократно повторяющиеся благодарности, попрощался и отключился. Нахмурился, постучал пальцами по стенке кресла. Определенно, университет засасывает его как болото, шаг за шагом. Сначала — внештатный факультатив, потом — занятия с семикурсниками, теперь — первый курс. Люди все-таки слишком утомительны: обращаешь внимание на одного — и оказываешься окруженным целой толпой тех, кто от тебя чего-то хочет.

Звякнул почтовый телепорт — в нем появилась обещанная стопка книг. Макс взял одну, за какие-то двадцать минут пробежал глазами оставшиеся темы курса — и захлопнул с твердым намерением лечь спать.

27 ноября, воскресенье, Теранови

Ангелина

Здание, выбранное для дипслужбы, было теплым, одноэтажным и просторным. И, что важно, позади располагался небольшой пустырь, который сейчас оперативно расчищали от камней нанятые местные жители. На пустыре будет посадочная площадка для драконов, тут же разместят маленький домик с одеждой для них.

Ани обошла свою вотчину, слыша веселую переключку работников со двора и чувствуя странный восторг. Вот это крыло они отдадут драконам — тут же, напротив, находятся несколько домов, чьи хозяева с радостью согласились предоставить вторые этажи (за отличную плату) в пользование ведомства. Значит, можно будет размещать гостей с комфортом. Сотрудники уже договорились с маленькими ресторанчиками о поставке обедов и ужинов, местные ателье спешно шили шторы для дипслужбы, плотники ремонтировали двери и полы.

Городок оживал в предчувствии новых перемен — да и вообще в Теранови было как-то многолюдно. Жители Рудлога и других государств, прослышав, что в горный город навеваются драконы, устремились сюда, и от туристов было не протолкнуться, несмотря на собачий холод. Спрос уже родил предложение: на улицах и в магазинах торговали теплыми химами и длинными меховыми дохами, рестораны ломались от посетителей, отдающих дань киселю и колобкам, а мэр Трайтис, немного оглушенный внезапной известностью городка, все же быстро сориентировался и запустил туристическую службу, которая теперь принимала сотни звонков каждый день и бронировала места в переоборудованных под мини-гостиницы домах добрых жителей. Мешок драконьего золота,

подаренный на свадьбу, был заперт в сейфе, и планы на него имелись грандиозные: не только школу отремонтировать и стадион достроить, но и гостиницу заложить, а если так дело пойдет — то целый гостиничный комплекс с лыжными спусками и катками да курорт у горячих источников в горах.

С утра Ангелина приехала в Теранови с официальным, обещанным неделю назад визитом и уже сполна оценила слишком, на ее взгляд, ревностное гостеприимство местных жителей. Свиту она взяла небольшую. Обойтись вообще без сопровождения и охраны было не по статусу, но она с огромным облегчением по окончании официальной части отправила придворных обратно во дворец, оставив при себе только секретаря, горничную и охрану. Отправились в столицу и приехавшие заснять визит журналисты — срочно нужно было монтировать материал и готовить в новостные выпуски, сразу после репортажей о поездке королевы в Лесовину.

Мэр Дори Трайтис, страшно гордый очередным высоким визитом, организовал принцессе экскурсию, пригласил прокатиться на единственном трамвайчике, который с лязганьем двигался мимо цветных домов, и пройти потом по улицам Теранови. И она не отказалась, хотя и замерзла отчаянно, несмотря на длинную шубку с капюшоном и плотные сапоги. Все было выстужено, схвачено морозом, и даже небо, на которое Ангелина периодически поглядывала с обжигающим ее до злости ожиданием, было похоже на застывший светлый кусок льда, и по нему медленно двигалось тусклое солнце. И не радовали ее ни искры на белом снегу, ни яркие крыши домов. Холодно было ей, холодно и томительно.

Городок определенно сошел с ума — кругом были одни драконы. Магазины, несмотря на крепкий мороз, выставили на лотки свежеизготовленные сувениры, и со всех сторон на принцессу смотрели белые пернатые ящеры. С футболок, полотенец и постельного белья, с кружек и прилавков с глиняными свистульками. Она таки остановилась у одного лотка, где торговали мягкими игрушками — уж очень забавно они выглядели, — и тут же стала обладательницей подарка — мехового дракончика, похожего больше на овцу, чем на небесного змея. Впрочем, туристов это не смущало: у предприимчивого лавочника смели всех драконоовец, только чтобы дома был такой же, как у принцессы Ангелины.

Ее высочество возложила цветы к памятнику своему деду, Константину, посетила больницу и школу, где пообщалась с детьми, приготовившими ей подарки и выступление — и, наверное, это была самая приятная часть. Не считая действительно вкусного обеда с почетными жителями города, по очереди рассказывавшими ей, как замечательно здесь, в Теранови, и как они рады, что она остается работать в городке.

«Замечательно, но холодно, — думала она, поддерживая разговор и легко улыбаясь собеседникам. — Это же какое терпение надо иметь, чтобы жить здесь?»

И не знала Ангелина, что после окончания обеда, когда они с мэром ушли в администрацию — обсуждать совместную работу, жители поспешили поделиться впечатлениями со своими знакомыми, те — со своими, и все пришли к выводу, что старшая принцесса, конечно, красавица, каких мало, — аж слова забываешь, когда глядишь на нее, — любезна и сдержанна, но ей очень недостает живости и улыбочивости ее младшей сестры, ныне королевы Рудлога, Василины.

Старшая Рудлог, аккуратно ступая по краешку свежеекрашенного пола, прошла в ту половину здания, где должна была располагаться дисплужба, — там уже стояли столы и шкафы, сотрудники распаковывали канцелярию и было весело и шумно. Она и не подумала

пресекать этот шум. Потом, все потом. Зашла в свой маленький кабинет — секретарь уже разобрала подготовленные бумаги, приготовила начальнице кофе, — уселась за стол и снова стала перебирать папку с предложениями для драконов. Организация ведомства, торговля, найм персонала... Знать бы только, когда прилетит хоть кто-то из них. Чтобы согласовать встречу с Василиной, подготовить тут зал для официальных церемоний, наладить связь и обговорить график прилетов.

— Ангелина Викторовна, — в дверь заглянула секретарь, — тут к вам делегация. Из местных жителей. Примете?

— Да, — сказала принцесса, отодвигая бумаги. — Пригласите, пожалуйста. И принесите стулья, чтобы люди могли сесть.

Делегация была разношерстной и разновозрастной. Несколько совсем молоденьких девиц, которые восторженно тарачились на нее, женщина в возрасте с цепким взглядом, пожилая интеллигентная пара.

— Госпожа, — волнуясь, начала женщина, после того как все поздоровались и расселись, — простите, что беспокоим вас. Тут на свадьбе дракон говорил, что им в город нужны врачи и учителя, да и других работников не хватает. Обещал содействие. Вот мы и пришли записаться, ваше высочество.

— Вы хотите переехать в Истаил? — уточнила Ани, пододвигая к себе лист бумаги. — Работать?

— Жить, работать, — подтвердила женщина, выбранная, видимо, парламентаром. — Я бухгалтер, жила бы и дальше здесь, да суставы болят, врачи посоветовали переехать в жаркий климат. Супруги Лонис, — пожилая пара вежливо кивнула, — врачи. Она акушер, он терапевт. И девочки тоже: Лаисия у нас только-только из медучилища, медсестра, две другие закончили педучилище. Очень хотят к драконам.

Ани посмотрела на покрасневших девушек и едва сдержала улыбку. Энтери, по всей видимости, сделал своим соплеменникам отличную рекламу.

— Драконов, увы, совсем немного, — как можно мягче пояснила она, — но люди там прекрасные, дружелюбные, как у вас в Теранови, и город очень красивый. К сожалению, многое придется начинать с нуля, но я обещаю вам содействие с оборудованием и амбулаторного пункта, и школы. И если захотите вернуться — никто не будет вас упрекать, — она внимательно посмотрела на посетителей, но не увидела неуверенности и продолжила: — Давайте поступим так. Мы пока еще не начали работу, но я запишу вас сейчас сама, а потом вам нужно будет заполнить анкеты. Мы их подготовим и выложим в приемной, так что каждый, кто захочет, сможет прийти и записаться самостоятельно. Потом передадим анкеты и списки коллегам из Песков, и они уже будут принимать решение.

Ее слушали, кивали, соглашаясь.

— Простите, что отвлекли вас от дел, — повинилась женщина, когда все попрощались и стали вставать.

— Я рада, что вы захотели работать в Песках, — искренне ответила Ангелина. — Не нужно извиняться.

А вечером в Теранови, словно подгадав, прилетели Энтери и Ветери. Привезли на своих спинах целый отряд, отправившийся на спасение принцессы, — и не сказать, что драконы были уж очень довольны этим. И письмо от Нории. Вежливо поздоровались с жителями, в очередной раз сбежавшимися на площадь, и быстро оделись, не обращая внимания на вспышки фотоаппаратов туристов.

Мэр Трайтис, у которого выдалось очень хлопотное воскресенье, встретил дорогих гостей как старых друзей, ничуть не смущаясь изумлению на лице второго дракона от его словоохотливости и улыбкам первого, поглядывающего на друга с выражением «Ну я же тебе говорил». Мэр тут же пригласил их на ужин и торжественно проводил к зданию дипслужбы. И надо сказать, что в груди у принцессы все же сжалось что-то, когда она увидела двух красноволосых мужчин, входящих в ее кабинет. И Ангелина чуть было не засуетилась, но заставила себя поднять взгляд и спокойно их поприветствовать.

Они просидели в кабинете, над бумагами, до поздней ночи — добрый Дори Трайтис так и не дождался гостей на ужин. Говорили обо всем. О том, что служба занятости Рудлога даст объявление о поиске работников для Истаила, — и тут же просчитывали и записывали квоты по каждой профессии. О том, что на границе полосы блуждания со стороны Рудлога построят большой телепорт, чтобы драконам и жителям Песков не приходилось тратить лишнее время на перелет в Теранови. И там же, рядом с телепортом, будет рынок, наподобие того, что уже начал функционировать на границе с Тайтаной. О том, что нужно начинать прокладывать дорогу между государствами, а значит, нужны сопровождающие, которые не позволят заблудиться инженерам и рабочим. О том, что Рудлог готов поставить буры и насосы для поднятия воды с глубин. И еще о многом, очень многом.

Не говорили только об одном — вернется ли она в Пески, к Нории. Хотя, даже если бы они спросили, она бы не ответила им. Потому что и сама себе не могла дать ответ.

Уже ушли неожиданные гости, решив переночевать у отца Тази, старика Михайлиса, давно опустела дипслужба, и ей бы надо идти домой, во дворец, — охрана терпеливо ждала свою госпожу в коридоре. Но Ани не спешила. Она аккуратно разложила бумаги по папкам, сама ополоснула чашку из-под кофе. И, наконец, взяла в руки письмо от Нории.

Оно было не для нее — для Василины, и что-то похожее на сожаление кольнуло сердце ледяной Рудлог. Принцесса погладила плотную бумагу и поднесла запечатанный конверт к носу, позволив себе прикрыть глаза на мгновение.

И, хотя не могла она ничего почуять, кроме запаха старой бумаги и сургуча, показалось ей, что она слышит теплый и тонкий аромат мандариновых цветов, пряностей и сухой острой травы. И вокруг стало теплее — будто она была уже не в Теранови, а в Истаиле с его дворцами, цветами и бассейнами с колышущимися цветными занавесками, с блеском золота и лазури, и вот-вот должен был раздаваться рокошущий голос: «Ты выйдешь за меня, Ани-эна?»

Деликатный стук в дверь вырвал ее из полудремы, в которой вспоминались обрывки разговоров и прикосновений, запахи и звуки, и охранники, увидев встающую из-за стола принцессу, обеспокоенно переглянулись — так бледна она была и так лихорадочно блестели ее глаза.

— Извините за задержку, — сказала Ангелина совершенно обычным, спокойным тоном, как будто не разрывали ее сейчас два далеких и таких нужных ей мира. — Действительно, пора домой.

27 ноября, воскресенье, Иоаннесбург

Марина

Утро воскресенья началось со страшного грохота, и я вскочила, ощущая панический ужас; не проснувшись толком, заметалась по комнате, натягивая на себя одежду. И только через минуту сообразила, что гулкие удары ритмичны, что в коридоре не слышно звуков сирены, которую установил Мариан для предупреждения об опасности, а значит, нам ничего не угрожает.

Но сердце колотилось как сумасшедшее, и тело было липким от пота.

«Вот так-то, Марина, семь лет прошло, а ты подспудно ждешь нападения».

Грохот продолжался. Доносился он с улицы, и я выглянула в окно, прижалась, чтобы лучше видеть: в парк, совсем близко к нашему крылу, была нагнана строительная техника, и несколько огромных машин колотушками забивали в землю сваи.

За завтраком все были хмурыми и нервными. Ответить, что происходит, нам никто не мог, отца еще не было, на звонки он не отвечал — спал у себя в имении, наверное. Неудивительно, я бы тоже поспала. И с удовольствием.

— И как я буду готовиться к зачету? — мрачно спросила Алина, ковыряя яичницу. — У меня строки подпрыгивают, когда я читать пытаюсь. Поеду в библиотеку.

— А как же Васины дети? — вспомнила Поля с беспокойством. — Надо сходить, поведать, там, наверное, няня с ума сходит.

— Уехали они, — поделилась Каролинка — покрашенная, с разноцветными ногтями (мы всё разглядывали эти ногти и перемигивались с Полли), — я с утра заглядывала в детскую, пусто. Горничная сказала, что Мариан распорядился сегодня увезти в поместье на неделю, до их с Васюшей возвращения. Мне тоже уроки готовить надо, между прочим. Но, — она повеселела, — теперь ведь можно не готовить, да? Я как раз хотела попасть в мастерскую Доли Скорского на открытый урок.

— Кто это? — чтобы отвлечься, обреченно спросила я. Грохот стоял непрерывный, и было такое ощущение, что долбят теперь уже прямо внутри головы. Младшенькая посмотрела на меня с жалостью. «Эх ты, серость», — говорил ее взгляд.

— Ты что, — сказала Кариша с превосходством, — это самый известный в мире художник, живой классик, можно сказать. Во всех музеях его картины висят. Он левша и изумительно работает с оттенками.

Это «изумительно» так манерно прозвучало в ее исполнении, что мы все заулыбались, а она надулась.

— Богема, — очень уважительным шепотом протянула Пол и тут же ткнула Каринку в бок пальцем — в отсутствие Ани можно было побаловаться. — Не дуйся, малышня. Езжай, конечно. А я в тир пойду, там все равно наушники и выстрелы гремят. Раз уж никто не в состоянии сказать, что происходит и когда это все закончится.

— По-моему, вокруг нас плетется заговор, — провозгласила я, усердно выминая на хрустящем тосте глазки и улыбку, — все что-то скрывают.

После завтрака сестры испарились почти мгновенно, а я упрямо держалась, надеясь, что вот-вот все стихнет и удастся повалиться. Марта будить не хотелось, он и так страдал от моих утренних звонков, торговые центры еще не открылись. Но хватило меня на час, после чего я с совершенно квадратной головой поехала на ипподром, рассудив, что лучше уж я буду выезжать на одной лошади, чем терпеть ощущение, будто в голове топчет целый табун. По пути, ни на что особо не надеясь, позвонила Кате Симоновой, и она неожиданно согласилась составить мне компанию. Так что по мерзлой земле ипподрома мы выезжали вдвоем, разогревая лошадей и болтая. Катерина была замечательно хороша в костюме для верховой езды, я, признаюсь, тоже, поэтому мы дружно разбивали сердца работникам ипподрома и таким же, как мы, ранним наездникам. И чувствовала я себя при этом точно как в последнем классе, когда мы всюду ходили парой и хихикали над томными взглядами парней из школы.

— Знаешь, — сказала она мне радостно, — я ведь нашла новый дом. Не на Императорском, конечно, чуть дальше к университету, на Медовой улице. Там не такое все пафосное, зато очень уютно и тихо. И садик хороший, я уже узнала, договорилась, чтобы девочек взяли. И на старый дом нашелся покупатель, все одно к одному. Уже с этой пятницы слуги пакуют вещи, но я практически всю мебель оставляю новым хозяевам, чтобы ничего не напоминало о Симонове, — она передернула плечами. — Еще пара дней, и переедем. Так что жду тебя на новоселье!

Я присвистнула, и мой жеребец неодобрительно дернул головой.

— Какая ты быстрая, — восхитилась я. — Честно, думала, ты на несколько лет это затынешь. Ты на улитку была похожа по скорости реагирования.

— Надоело, — с сердцем сказала подруга, — пусть гниет в своей могиле, а я гнить с ним не хочу. Ты мне хорошее ускорение придала, Рудложка. Кстати, — Катя испытывающе поглядела на меня, — а чего ты молчишь-то, подруга? Признавайся, кто этот ненормальный, который нас с детьми разбудил в пятницу ночью? Мартин? Я такого фейерверка никогда не видела!

— С чего ты взяла, что его для меня устроили? — ответила я честным-честным голосом. Она подняла брови — и я не выдержала, рассмеялась. — Нет, Кать, не Март. Я тебе все расскажу, правда, только потом. Сейчас не пытай меня, ладно? Все очень сложно.

Лошади перешли на легкую рысь, выстукивая по твердой земле успокаивающий ритм. Слабый морозец щипал щеки, светило солнце, и на душе становилось хорошо.

— Я же тебе не сказала, на что еще я решилась, — спохватилась Катюха, когда мы уже вели жеребцов обратно в конюшню. — Подумала, если менять жизнь, так сразу, махом, и, пока не стало страшно, быстро написала письмо в МагУниверситет, Свидерскому, попросила о встрече.

— Хочешь об учебе с ним поговорить, Кать?

— Это потом, — улыбнулась она. — Отвлечься пока хочу. Симонов же у них в попечительском совете состоял, спонсировал, и его место ко мне перешло. Думаю попросить о работе на полдня. Присмотрюсь, обдумаю, потяну ли учебу, может, договорюсь с кем-то из преподавателей о репетиторстве, чтобы попробовать экзамены сдать. Вот так, Мариш. Одобряешь?

— Всецело! — веско заявила я и полезла обниматься. — Умница моя! Умница! Ты еще станешь у нас великим магом! Вот увидишь!

Она смеялась, пока я ее тискала; жеребцы терпеливо ждали, когда шумные человечки

вспомнят о них. А подруга вдруг затихла и всхлинула.

— Хорошо, когда есть кто-то, кто поддерживает, Марин, — сказала она и отстранилась, вытирая слезы. — У меня... кроме девочек и тебя, близких-то и нет, Рудложка. Что бы я без тебя делала?

— То же самое, Кать, — я улыбнулась и погладила ее по плечу. — Слушай, — вкрадчиво продолжила я, — менять жизнь, так махом, правда?

— Чувствую, ты меня сейчас на что-нибудь неприличное подбивать будешь, — Симонова с подозрением взглянула на меня.

— Ничего такого, чего я бы не сделала сама, — заверила я ее. — Только пообедаем сначала, ладно?

Во время обеда в «Копытцах» позвонила Полли.

— Привет дезертирам! — радостно проорала она в трубку, пытаясь перекричать грохот. — Приехал отец, признался: это они с Марианом подарок на Васин день рождения строят. Но что — говорить отказывается. Сказал, что месяц чертежи делал. Каришка наверняка ведь знает, зараза мелкая, она постоянно у отца в мастерской трется. И не раскололась! Специально подгадали, чтобы начать, когда они уедут. Точно ведь заговорщики! Так что готовься, долбить будут всю неделю! Я вот думаю: может, попросить Демьяна пораньше свадьбу устроить и сбежать к нему?

— Думаешь, это тебя так выживают, чтобы поскорее уехала? — спросила я ехидно.

— Что?! — крикнула она.

— Держись, Поля, — я повысила голос, — видишь, как получается, подарок для Васи, а страдаем мы.

— Язва, — беззлобно буркнула она и отключилась.

Вечером я аккуратно отклеила повязку, промыла татуировку теплой водой и смазала ранозаживляющим. Полюбовалась на себя, хотя пока выглядело это ужасающе. При нанесении было больно — то ли я отвыкла от боли, то ли кожа в этом месте такая нежная, но мне показалось, что я легче перенесла месяц набивки по сегменту огненного цветка на спине, чем одного небольшого рисунка сейчас.

Старый мой мастер смотрел на меня с удивлением и ворчал: ему никак не верилось, что девушка с розовыми волосами и совсем другим лицом, которую он помнит, и я — один и тот же человек. Пока я не показала ему спину. Он удовлетворенно хмыкнул и успокоился.

— Свою руку я всегда узнаю, — сказал он гордо, заправляя аппарат, — чудно, конечно, но чего не бывает на нашей Туре.

Катя, на удивление, не отказалась и выбила себе на запястье йеллоувиньский иероглиф «свобода». Прямо поверх шрамов. И, в отличие от меня, не шмыгала носом.

Я не стала комментировать — видимо, после побоев мужа это для нее не было болью. Да и у каждого свои способы борьбы с личными демонами. Я только надеялась, что рядом когда-нибудь появятся иероглифы «счастье» и «любовь».

После ужина я позвонила Мартину. Как-то странно было провести целый день, не поговорив с ним — тем более что повод имелся.

— Привет, ваше высочество, — сказал он своим глубоким низким голосом. — Жива?

— После бесконечного числа жалоб, которое ты выслушал, утирая мне нос, умереть было бы невежливо по отношению к тебе, — хмыкнула я и прислушалась: кажется, в трубке

раздавались тихие мужские голоса. Любопытство взяло свое. — А ты где?

— Слышу типичные интонации ревнивой жены, — смешливо сказал барон, — еще немного — и готова будешь под венец. С друзьями, пьянствуем у Алекса.

— О! — обрадовалась я. — Как раз! Мартин! Хороший мой! Ты ведь меня любишь, да?

— Я уже боюсь, — с нотками паники произнес он. — Что, для тебя надо кого-нибудь убить? Ты так подлизываешься, только когда хочешь попросить меня о чем-то непотребном.

Я рассмеялась.

— Все прилично, клянусь.

— Жаль, — сказал он вкрадчиво, — я как раз думал, что у меня все до неприличного правильно в жизни.

Я в очередной раз отметила, насколько же он хорош с этими своими соблазняющими перекатами. Да, у кого-то фетиш — плечи или глаза, а у меня, видимо, голос.

— Не отвлекай меня, — строго произнесла я, и он удовлетворенно хохотнул, — потом отработаешь совращение невинных дев. Мартин?

— Да, Марина? — с великосветскими интонациями откликнулся он.

— Моя Катя хочет просить Александра Даниловича о работе. Ей очень нужно, Март!

Он помолчал, потом, видимо, вышел куда-то — мужские голоса пропали — и уже серьезно проговорил:

— Девочка моя, ты в курсе, что она темная?

— Еще со школы знаю, — упрямо и обиженно сказала я. — Ты же общался с ней, Март. Видел, какая она.

Он вздохнул.

— Дело в том, что у Алекса пунктик по поводу темных, Марин. Как у нас всех. Никто не знает, да и предугадать невозможно, в какой момент одна личность подменяет другую. Это все равно что держать рядом с собой бомбу — может рвануть в любую секунду.

Я расстроилась — и потому, что он говорил о моей Катке, и потому, что впервые, наверное, не согласился помочь сразу, по первому слову.

— Она ходит в храм регулярно, отмечается. У них в семье никаких таких случаев не было. Мартин, — я уже почти умоляла, — ее очень обижал муж. Я не могу всего рассказать, да и не должна была этого говорить, если честно... но ей очень нужно, правда. У нее есть магический дар, она с детства хотела учиться в университете... Мартин! Ну Ма-а-арт!

«Как мороженое выпрашиваешь у взрослого».

— Чувствую себя мерзавцем, лишаящим ребенка сладкого, — сказал он со вздохом — и опять в унисон с моим внутренним голосом. — Будет тебе сладкое, девочка моя. Если Алекс не согласится — возьму ее к себе, давно мечтаю о хорошенькой помощнице, а то при взгляде на моих гримз из ученого совета во рту кисло становится. Поговорю, Марин.

— Ты — мое чудо, — с чувством произнесла я. — Как я тебя обожаю!

— А ты — мое наказание, — ответил он со смешком. — Но я тоже тебя люблю, Марин.

* * *

Барон фон Съедентент произнес последние слова, уже заходя обратно в гостиную, и на мгновение его друзья затихли, с недоумением глядя на него.

— Что? — сказал Мартин, залпом допивая отставленную ранее кружку с пивом. —

Вики, ты во мне дырку сейчас просверлишь, а я тебе пригожусь целеньким.

— Ничего, — буркнула она, закинула ногу на ногу и аккуратно отпила из бокала. Мартин немного полюбовался на эти ноги, поднял взгляд выше — к мягкому платью, по всем изгибам фигуры к крупной груди, — наткнулся на ледяные глаза волшебницы, сделал невинное выражение лица и двинулся к столу. Макс уже потерял интерес и скучающе косился в сторону книжного шкафа, а вот Алекс глядел насмешливо, словно спрашивая: «Ты это специально, да?»

Барон сделал непонимающее лицо и потянулся к бутылке — налить себе еще.

— Кстати, Данилыч, — заметил он небрежным тоном, — я начитался предсказаний о конце света и, похоже, заразился вирусом прорицательства. И вот было мне только что видение: предстоит на этой неделе тебе встреча со знатной красавицей, которая сделает тебе заманчивое предложение.

— И что? — серьезно спросил друг. — Соглашаться?

— Соглашайся, — подтвердил Март весомо и плюхнулся в кресло. — Даже если тебе сначала захочется ее убить.

Алекс глянул на него с азартом, со своим фирменным «охотничьим» прищуром, но блакориец развел руками — мол, сказал все, что видел, не обессудь.

— Может, к делу перейдем наконец? — нетерпеливо прервал их пантомиму Тротт. — Мартин, изложи, что прочитал. Только коротко.

— Да, мой рыжий господин, — издевательски протянул фон Съедентент, доставая из кармана блокнот, и инляндец поморщился, — внимайте. Хотя упоминаний о конце света совсем немного, увы. В книге Триединого о конце мира говорится как о битве добра со злом, что и следовало ожидать. Но после всех страшилок о реках крови и багровых закатах нас обнадеживают тем, что потом наступит эра покоя и процветания. Правда, не уточняется, здесь или на небесах мы будем наслаждаться этим покоем. Конкретики никакой. Зато много — о «темных временах» перед концом света. Угадайте, что обещали? — Он обвел друзей торжествующим взглядом и прочитал: — «Так множе греха буде на Туре, что павшие от стыда великага не сможиши в земле лежати и восставши, дабы видом своим в смущение вводити живых, и будет имя тому: божья наказа. И обратно вертется токма после битвы великой, коей быти по скончанию мира».

— Нежить испокон веков поднимается, — недовольно сказал Тротт, — детский лепет какой-то.

— Обожди, — попросил его Мартин. — Потом скажешь свое «фе», ты еще всего не слышал. В бермонтских источниках тоже речь о последней битве, но называют ее «битва богов». Вот, — он снова заглянул в блокнот. — «И будут боги биться на тверди рядом с людьми, и станут боги как люди, а человек сравнится с богом». По словам составителя свитка, «придет войско великое, и не смогут вечные стихии бесстрастно с чертогов своих наблюдать». Остальное, увы, поэтическая лирика, образы типа «небесный огонь спустится на Туру» и «зло многоликое будет из бездн прорываться».

— А откуда войско придет, не говорится? — уточнила Вики. — Если серьезно это воспринимать, конечно. В принципе, перекликается с твоим видением, да, Алекс?

— Вик, это же предсказание, им положено быть запутанными, — как маленькой, добрым-добрым голосом объяснил Мартин.

— Ты относишься к этому как к развлечению, — огрызнулась она, — вы все относитесь так, — волшебница обвела друзей обвиняющим взглядом, — а мне не стыдно признаться, что

мне страшно.

— Страх нам не помощник, Вики, тем более мы пока только собираем информацию, — успокаивающе проговорил Алекс, но она только зыркнула сердито и снова уткнулась в бокал.

— Женщины, — снисходительно сказал фон Съедентент, — вечно вы паникуете раньше времени. Ай, Вик! За что?

Блокнот в его руках совершил кульбит, извернулся и цапнул его за подбородок, разделившись листами на две половинки. Виктория посмотрела на его опарашенное лицо, фыркнула и засмеялась. И он тоже захохотал, откинувшись на спинку кресла.

— В следующий раз, — пообещала она зловеще, — это будет не подбородок.

— Нет-нет, — с комическим ужасом попросил Мартин, — это к Максусу. Ему все равно не пригодится.

Инляндец посмотрел на него как на говорящую букашку.

— Дальше, Мартин. Я уйду, а потом играйте в свои брачные игры, сколько влезет.

— Увы, — сказал барон трагическим голосом, — без тебя играть не так интересно. Твоя унылая физиономия придает этому дополнительную пикантность. Правда, Кусака?

— Хватит баловаться, — ответила Виктория беззлобно и откинула назад тяжелую гриву черных волос, поменяла позу — изогнулась в талии, грудь стала еще заметней, и мужчины дружно уставились на нее. — Что там дальше, Март?

— Ага, — сказал он, блестящими глазами оглядывая подругу. — Да. О чем это я? Серенитки. У них больше конкретики, но, как всегда, все замешано на любви, поэтому я отношусь к этому с изрядной долей скепсиса. Жила у них давным-давно, тринадцать веков назад, слепая предсказательница. Якобы слушала шторма, и те шептали ей о том, что было и будет. Есть несколько стихов, я перевел со старосеренитского. Рифма, естественно, потерялась. Сейчас, — Мартин перевернул лист блокнота.

В ту пору, когда откроются врата,
На Туру хлынут мгла, чудовища и смерть,
Не удержаться миру на пяти камнях,
Шестой найти придется там, откуда выйти невозможно,
А вход лежит там, где не пройти живому.

— Пессимистично, — заметил Алекс, поднимаясь за бутылкой. Вики протянула свой бокал, и он принял его, направился к столу. Посмотрел на Тротта, тот отрицательно качнул головой. Барон продолжал:

Душа уйдет за невинной душой,
И, если вернет, — воцарится мир снова.
Обеты должны принести соколиные девы,
Тогда станет Тура крепка, как при созидании,
Шестой камень встанет на свое место
И будет царить Великая Мать.

— Бред сумасшедшей, — высказался Тротт и встал. — Мне нужно идти. Данилыч, ты не

связывался с Алмазычем? Его послушать было бы полезнее, чем эти поэтические драмы.

— Связывался, — сообщил Алекс хмуро и протянул Виктории наполненный бокал. — Он сказал: чтобы ближайшие недели его не трогали, потому что идет тонкая работа. И что, если кого из нас увидит — у него станет меньше учеников.

— Не понимаю, — резко вмешалась Вики, — как он так спокойно работает, когда по всему выходит, что мир по швам разваливается? Он же не может этого не чувствовать! Пять минут поговорить не убыло бы от него.

— Возможно, он нас так воспитывает, — весело предположил Мартин. — Знаете, как детей в воду бросают — чтобы плавать научились.

— Да, — фыркнула она рассерженно, — только если мы не выплывем, то и он потонет, и кому тогда нужны будут его изыскания?

— Виктория, я не думаю, что старшая когорта сидит сложа руки, — сказал Свидерский. — Нас не посвящают, но не бездействуют точно. Не должны.

— Но нам-то это никак не помогает, — волшебница тоже встала. — Я вообще не понимаю, что мы можем сделать. Где найти решение, как восстановить стихийный баланс? Шестой камень — это, очевидно, Черный Жрец. Где его искать? — она повернулась к Мартину. — Хоть в каких-то документах про это есть упоминание?

Блакориец покачал головой. Он единственный из друзей все еще сидел и расслабленно попивал пиво.

— В тех источниках, что я успел прочитать, ничего нет, Вик. Но у меня впереди еще неделя с массивными тидусскими эпосами. Эти ребята любили детали, может, и откопаю чего.

— Откопаешь — зови, — сухо сказал Тротт, открыл Зеркало и ушел. Все посмотрели ему вслед с раздражением.

— Посидишь еще с нами, Вики? — спросил Алекс.

— Нет, — она сердито глянула на подмигнувшего ей захмелевшего барона, — я тоже пойду. Завтра с утра надо быть во дворце.

Леди Виктория исчезла в Зеркале, и друзья задумчиво проводили ее взглядами. Мартин поигрывал блокнотом, допивая очередную кружку пива, Александр размышлял, глядя в окно.

— Март, — сказал он, — а ты ведь был на месте, где паук в Блакории из прорыва появился?

— Угу, — откликнулся блакориец, — его величество потащил меня с собой. Паук и паук, огромный только.

— Мне сегодня пришел запрос от МагКоллегии, — продолжил Алекс, — попросили рекомендовать коллег для наблюдения. Создается международная служба по мониторингу прорывов. Спыхватились власти.

— До меня еще не дошло, видимо, — вяло произнес фон Съедентент, — приду домой, посмотрю.

— Покажешь мне место? — попросил Свидерский. — Я тут сопоставил: неоткуда взяться тысячам чудовищ из моих видений, кроме как из этих переходов. Возможно, они станут стабильны? И тогда это самое «войско великое» придет из Нижнего мира? А если так, неплохо бы изучить природу порталов, понять, как их можно закрывать.

— Это несколько дней назад было, что ты там увидишь? К тому же ночь уже почти. — Мартин посмотрел на друга, махнул рукой. — Впрочем, давай. Все равно делать нечего. Вики ушла. Скучно. Только оденься теплее, и я к себе схожу, переоденусь.

Через пятнадцать минут маги уже стояли неподалеку от раздавленной сейсмостанции, освещая склон горы многочисленными «светлячками». Дул пронизывающий ветер, снег был покрыт наледью, которая с хрустом проваливалась, когда на нее наступали. Справа светил огнями горнолыжный курорт, и хорошо были видны освещенные трассы, а за их спинами, у подножья горы, горел окошками маленький городок.

— Вон там отметка, — барон показал рукой в толстой перчатке чуть выше и в сторону, — видишь, маячок поблескивает?

— Да, — Свидерский присмотрелся. — Глянь-ка, Март. Вторым магическим. Видишь, стихийные нити там как шаром раздуты? Внутри — пустота. Есть у меня предположение, что можно так предугадывать их появление. Перед тем как они становятся видимыми и открываются, скорее всего, происходит раздвигание нитей, а это довольно специфично. Макса бы сюда, он бы сказал, возможно ли автоматику так настроить и вплести заклинания, чтобы отслеживали подобные провалы заранее. Это было бы крайне полезно. Потому что, думается мне, они скоро будут не только в зонах нестабильности открываться. И сколько их, не сформировавшихся до конца, мы не видим?

— Я в артефакторике и магмеханике не силен, увы, — Мартин уже совершенно протрезвел от холода. — А дед Алмаз не тем же занимается? Только в глобальном смысле, конечно. Он ведь тоже настроил телескоп на спектральное видение и запись, как я понял. А Макс уже сто лет ушел в ботанику с ушами, думаешь, отвлечется ради этого? Хотя куда он денется, — мрачно подвел итог барон, — ему только дай задачу. Трудоголик, я по сравнению с ним чувствую себя прожигателем жизни.

Свидерский хмыкнул.

— По сравнению с Максом мы все — ленивые животные, Март. Покажешь мне паука?

Блакорец вздохнул.

— Пойдем, любитель непотребных зрелищ. Поллюбуешься.

Охрана, узнав придворного мага, пропустила их без возражений, и друзья прошли в огромный ангар. Свет не стали зажигать, снова запустили «светлячков» и несколько минут молча рассматривали чудище, которое было раз в пять больше их ростом.

— Я таких видел, — наконец сказал Александр. Из рта его шел пар. — И это совсем не радует, Мартин. Надо бы взять образцы его панциря, найти останки тха-охонгов и проверить, что может их пробить из современного оружия. И все же я сделаю доклад для МагКоллегии и предоставлю копию королеве. Лучше прослыть паникером и фантазером, чем потом иметь дело с управляемыми отрядами таких вот паучков.

Снаружи вдруг завывла сирена, и господа маги переглянулись, направились на выход. В городке, пустынном, спящем, загорались огни, народ выглядывал из окон.

— Что случилось? — спросил Свидерский у охранника. Тот показал рукой куда-то в сторону, в темноту.

— Видите огни синие? Там кладбище местное. Уже было такое, нежить поднималась, и тоже огни светили. Вот с тех пор и наблюдают. И сигнал поставили, чтобы народ по домам прятался, пока не прибудет команда зачистки.

Алекс весело поглядел на друга, и в глазах его снова зажегся тот самый «охотничий огонек».

— Тебе ведь было скучно, Март?

— По здравом размышлении, — пробурчал барон, тем не менее снимая рукавицы и запихивая их в карман, — я бы предпочел допить пиво. Я и забыл, что ты притягиваешь

драки, Данилыч. Пока ходил старичком, все было так благообразно и спокойно.

— Ну, хочешь, возвращайся ко мне, я через полчаса присоединюсь, — предложил коварный Свидерский.

— Да счас, — хмыкнул блакориец. — Когда это я увиливал от возможности размяться?

Их довезли до кладбища за пять минут и уехали, благоразумно рассудив, что, если странные гости желают покормить собой нежить, сопровождающим это делать не обязательно. На кладбищенских воротах висел тяжелый замок, и Мартин сбил его «лезвием».

Под ногами хрустел снег, он же лежал и на шестиугольных надгробиях, и все было бы чинно и мирно, если бы не синие огни, змейками взбегающие по темным соснам от корней, а затем расходящиеся по ветвям и светящиеся искристыми шарами на верхушках. И если бы не вскрывшиеся могилы — всего друзья насчитали девять штук, но в глубине кладбища могли быть еще. Выглядело это так, словно под землей рванула мина и на белый снег веером высыпало черную мерзлую землю, образовав широкую воронку на месте захоронения.

Где-то будто бы заскулила собака, и вдруг к тонкому вою присоединились еще голоса.

— Не стернихи, — сказал Алекс тихо. — Выскребыши?

— Это ты у нас спец по нежити, — отозвался Март, укрепляя щиты над ними обоими, — для меня она двух категорий — упокоенная и та, которую нужно упокоить. Не вышли бы за ворота.

— Не дадим, Март, — Свидерский шагнул вперед — под ним вдруг треснул тонкий наст, и он рухнул в образовавшуюся дыру. Оттуда сразу полыхнуло так, что щит подбросило кверху.

— Ты живой там? — крикнул Мартин обеспокоенно, запуская светлячок.

— Живой, — откликнулся ректор. — Ты не двигайся. Эти твари под землей сидят, ловушек наставили. Надо жарить их оптом. Сейчас, выберусь только.

Недалеко от блакорийца снег рухнул в дыру, появилась узкая морда, приняхалась и завывла тоненько, выбираясь наружу. Выглядел выскребыш жутко из-за своей схожести с людьми — будто чудовищное посмертие нарастило на кости тонкую сизоватую кожу с волочащимся по земле сморщенным, пока пустым брюхом, вывернуло суставы назад, поставив то, что когда-то было человеком, на четыре конечности, лишило глаз — нежить почти вся была слепой, — и добавило огромную узкую пасть. Беззубую — эти твари заглатывали свою добычу целиком, как удавы. Между магами и воротами продолжала осыпаться земля — как они только прошли мимо, не наступили на подземные норы? — и еще и еще выбирались на синий снег искореженные нелюди, почуявшие теплую кровь.

— Много-то как, — недовольно сказал Алекс, поднимаясь из провала на тонком воздушном «грибке» и опускаясь на снег рядом с Мартином, — куда отряд зачистки глядел? Хотя, может, на тот момент окуклившиеся еще были в спячке, тогда неудивительно, что не заметили. Ну что, спаренным?

— Давай, — ответил барон, глядя на все появляющихся и появляющихся кругом выскребышей — от воя уже болели уши, нежить кидалась на щит, пыталась рыть подкопы, — пока Макс не почуял и не прибежал нас спасать. Я его нотаций не выдержу.

Оперативнодвигающийся к месту поднятия нежити отряд не успел еще весь выйти из машины, как кладбище загудело, затряслось, и с небес на него упал широкий столб огня, поглотивший все, включая мгновенно оплавившуюся ограду, и видимый за сотни километров от этого места. Снег взвился паром, стремительно тая расходящимся кругом и обнажая полегшую траву и кусты, под ногами захлюпало, в лица спецназовцев полыхнуло жаром, и водитель крикнул: «Отъезжаем, а то машина рванет!» — а черный круг вскрывшейся земли

все рос, увеличивался на несколько сотен метров, и пламя ревело, выпекая все возможное вглубь, и видно было, как свечками полыхают и сгибаются, будто спички, высоченные сосны и испаряются надгробия.

Через несколько минут, когда огонь утих и только земля дымилась, поскрипывала и похрустывала, как головешка, из бывших ворот вышли два человека, ступая так, будто под ними не было раскаленной породы, приветственно кивнули в сторону машины спецназа и ушли в Зеркало.

* * *

А вот у Игоря Ивановича Стрелковского вечер проходил тихо и мирно. На выходные он решил-таки навеститься в свое графское имение в Рыбацком — самому было любопытно, что за недвижимость прилагается к титулу. Днем в пятницу позвонил с работы Люджине и попросил собраться в дорогу.

— А я вам там нужна, шеф? — с сомнением спросила капитан. — Вы же не обязаны меня с собой возить, я не хочу вам мешать.

День рабочий был тяжелый, к тому же новоиспеченный граф с утра ничего не ел, поэтому ответил без деликатности:

— Дробжек, когда я посчитаю, что вы будете мне мешать, я вас с собой не возьму. Поэтому прекратите жеманничать и собирайтесь. Едем на два дня, берите вещей по минимуму. Будьте готовы к шести — я приеду с работы, возьму вещи, и сразу двинемся, чтобы не ночью приехать. Поужинаем уже там.

— Да, командир, — ответила Люджина спокойно. — Я поняла. Не сердитесь.

Когда он подъехал к дому, опоздав на десять минут, она уже стояла во дворе, одетая в длинный серый пуховик, какие-то зеленые штаны — опять армейские, что ли? — и высокие ботинки на шнуровке. С короткими волосами напарница выглядела совсем по-мужски.

— Вы будто собрались штурмовать вражескую высоту, — сказал Стрелковский, принимая сумки и ставя их в багажник. Люджина пожалала плечами, протянула пакет — оттуда вкусно пахло выпечкой, и Игорь не удержался, раскрыл его. Голова давно уже болела от голода.

— Это я сама приготовила, — объяснила капитан, открывая дверь машины, и он бросил на нее удивленный взгляд. — Там еще чай в термокружке, не обожгитесь. Кстати, кажется, ваша повариха на меня обиделась, но мы помирились, когда я пообещала дать ей рецепт. Таких пирожков вы не пробовали еще, вот увидите. Только на Севере пекут.

Стрелковский выруливал из ворот, держа руль одной рукой, а второй поднося ко рту теплый, пахнущий сладким тестом пирожок с капустой, и ему действительно казалось, что вкуснее он никогда ничего не ел.

В столице было уже темно, на улицах толкалась куча машин — вечер пятницы, пробки, — и он свернул сразу в сторону кольцевой, чтобы избежать черепашьего хода.

— Спасибо, — произнес Игорь, когда в желудке поселилась приятная сытость, чай был допит, а крошки смахнуты с колен. — Это было очень кстати.

— Я знаю, — усмехнулась капитан. Куртку она уже сняла, оставшись в сером тонком свитере, и теперь перепутать ее с мужчиной было очень сложно — формы не позволяли. Да и лицо у нее было совсем не тяжелое, приятное, с аккуратными чертами.

Игорь покосился на напарницу, оценил обтягивающий свитер и все же не удержался, спросил:

— Как догадались?

— Вы, когда голодный, злее, чем обычно, и фразы строите рублено, коротко, — пояснила Дробжек так, будто энциклопедию под названием «Привычки и черты И. И. Стрелковского» зачитывала. — Еще раздражаетесь по мелочам.

И лицо у нее при этом перечислении было совершенно серьезным. Только в конце губы чуть дрогнули, и капитан отвернулась, чтобы скрыть усмешку.

К имению они добрались к десяти вечера. Машина гудела, Дробжек дремала, повернув к водителю лицо, и Игорь периодически поглядывал на нее, отмечая и круги под глазами, и болезненную складку у рта. Он уже стал забывать о ее ранении — так легко она держалась, — но, видимо, реабилитация и занятия отнимали много сил и боли наверняка еще мучили, однако виду она не показывала. Настоящий солдат. Сама себе и надежда, и опора. Хотя что ей остается делать? На кого опереться, кроме себя?

Впереди показался дом — крепкий, двухэтажный, кажется, даже меньше его городского дома, но очень приятный: белые стены, деревянные ставни, широкое крыльцо. В окнах горел свет.

— Дробжек, — позвал Игорь, когда заглушил двигатель. Двери дома уже открылись, в светящемся проеме показалась женская фигура — видимо, экономка вышла встречать. — Люджина, приехали, просыпайтесь!

Капитан сморщила лоб, но глаза не открыла, только засопела и отвернулась от него. Не проснулась она и тогда, когда он передавал вещи слуге, спала, и пока экономка показывала новому хозяину дом и большую спальню с просто-таки монументальной кроватью, застеленной чистым бельем — запах свежести очень чувствовался в комнате. Тут же стояли сумки с вещами.

— А гостевая спальня? — спросил Игорь, когда экономка двинулась обратно к лестнице. — Для моей спутницы?

— Ой, милорд, — залепетала женщина, заливаясь краской, — простите, пожалуйста... Я решила, что она ваша... подруга, а вы особых распоряжений не дали. Виновата. Простите. Я сейчас же распоряжусь снять чехлы с мебели да прибрать там... только кровать надо найти... старые-то хозяева гостей не принимали...

— Сколько это займет? — прервал Стрелковский ее оправдания, поглядывая из окна на машину.

— Час минимум, — с несчастным видом сказала экономка. — А то и два. Если кровать найдем... Так вы пока поужинайте, — с надеждой попросила она, — чайку попейте. Справимся. Простите уж меня, милорд.

— Займитесь, — скомандовал Игорь расстроенной домохозяйке и пошел на улицу. Капитан до сих пор спала.

— Дробжек, — снова позвал он. Потряс ее за плечо. — Ну, открывайте глаза. Доспите в доме. Люджина!

Мороз крепчал, да и ветер усилился, хоть и светили над полями с редкими огнями принадлежащих ему теперь деревень звезды. И воздух был свежий, чуть отдающий дымом. Вкусный воздух, дышать и дышать им.

Но для «дышать» он был слишком легко одет.

— Ну что же вы, — сказал он сердито. — Люджина! Люджина... Тревога! Нас атакуют!

Она мгновенно открыла глаза, поднялась — только ремень безопасности натянулся. Оглянулась, посмотрела на него. В мутных от сна синих глазах плескались недоумение и обида.

— Извините, — покаялся Стрелковский весело, — но я уже замерз вас будить. Думал, придется нести на руках.

— Надо было не просыпаться, — пробурчала северянка, пытаясь отстегнуться — движения были заторможенные, неловкие. Вышла, поежилась, открыла заднюю дверь и потянулась за пуховиком.

— Слуги подготовили всего одну спальню, так что сегодня мы, похоже, спим вместе, — сообщил он тылу напарницы. Спина ее замерла. — Не переживайте, там на кровати целый полк поместится. Вы будете в безопасности.

— Боги, — сказала она с настоящим женским раздражением, закутываясь в пуховик, — да мне все равно, где спать, только дайте наконец лечь и вытянуть ноги.

— Ужинать, я так понимаю, вы не будете, — уточнил он, направляясь ко входу в дом.

— Нет, — буркнула она, — в душ и спать. Не знаю, чем меня колют, Игорь Иванович, но я как рыба замороженная все время. Либо сплю, либо зеваю.

— Либо отжимаетесь и пирожки печете, — пошутил он. Ему почему-то было весело.

После сытного и действительно вкусного ужина он, уже сам зевающий, отправился в спальню. Горел ночник, напарница спала на самом краешке, закутавшись в одеяло. Вещи ее были аккуратно сложены на стуле, тут же висело полотенце.

Стрелковский поглядел на этот армейский порядок, на одеяло — вдруг мелькнула мысль: опять она спит без одежды? Покачал головой и отправился в душ. Вернулся, выключил ночник и нырнул под одеяло.

Пододеяльник был сыроватым, вокруг стояла тишина, какой никогда не может быть в городе — даже в храме постоянно слышался гул машин и шум от живущих вокруг миллионов людей. Старый дом поскрипывал и приглядывался к новому владельцу, пахло чистотой, дымом и сухим деревом, где-то явно шуршали мыши, рядом ровно дышала Люджина, и Игорь вдруг почувствовал умиротворение. И заснул спокойно. Так, как давно уже не спал.

Капитан Дробжек проснулась с утра от счастья. Такое бывает, и особенно часто — в детстве. Она потянулась, пожмурилась, выгнулась — на удивление, почти ничего не болело. И только потом почувствовала, что лежит, спиной прижавшись к теплему, хорошо пахнущему мужскому телу, и что мужчина этот дышит ей в затылок. И крепко так, по-хозяйски, обхватывает ее грудь. А еще он возбужден.

Капитан, несмотря на катастрофичность ситуации — ведь проснись он, и не избежать бы тягостной неловкости, — чуть не рассмеялась нервно. Все как в плохом романе. Подобные моменты всегда казались ей надуманными, а тут надо же. И да, полковник, я заметила, как ты смотрел на мою грудь в прошлый раз. Ты равнодушен к крупным формам, оказывается? Люджина глянула вниз — на ночь она надела длинную футболку, но прикосновение Игоря Ивановича ощущалось так, будто не было на ней ничего. И смотрелась большая мужская рука на ее теле красиво. Люджина закрыла глаза и попыталась представить, что это их обычное семейное утро, и она может сейчас повернуться, поцеловать его, и, когда он откроет глаза, в них не будет холода и недоумения, а будут лишь ласка и желание. Но, увы, она всегда была реалисткой и твердо стояла на земле.

Следующие полчаса капитан тихонько, дабы не разбудить Стрелковского, отодвигалась

от него, разворачивалась — пальцы его спокойно соскользнули на кровать — и потом сразу встала, чтобы не вводить себя в ненужные мечтания и искушения. И не давать повода подумать, будто она навязывается ему.

Игорь Иванович проснулся, когда уже светило солнце. Нахмурился, посмотрел на часы — почти полдень. Вот что значит свежий воздух — проспал почти вдвое дольше обычного, и голова свежая, легкая.

Дробжек не было, ее вещей — тоже, и полковник быстро оделся, почистил зубы и спустился в столовую. Экономка уже накрывала стол к обеду; увидела его, почтительно поздоровалась и тут же засуетилась.

— Садитесь, милорд, обед сейчас будет. Все готово: супчик, котлетки телячьи, греча с луком...

— Где Люджина? — спросил он нетерпеливо.

Экономка, волнуясь, сжала передник.

— Так она с утра самого встала, позавтракала да гулять пошла. Потом спросила меня, есть ли поблизости спортивный магазин, села в машину и уехала. Но уже вернулась, вы не беспокойтесь, лыжи купила да ботинки и сразу кататься ушла. А комнатку-то мы приготовили, гостя ваша и вещи перенесла, понравилось все ей. Вы уж извините, милорд, за вчерашнее...

— Да хватит извиняться, Арина Андреевна, — попросил он с сердцем, — это я виноват, что не предупредил. Где там ваш обед?

Люджина появилась, когда он уже заканчивал есть, — румяная, с блестящими глазами, в пуховике и лыжных ботинках.

— Я нашла, на что потратить отпускные, — задорно сказала она, не обращая внимания на неодобрительные взгляды экономки — невоспитанная гостя прошла в столовую, не раздеваясь, не сняв обувь. — Купила нам с вами лыжи, Игорь Иванович. Только я брала вашу машину, не будете сердиться? А пахнет-то как! — Она потянула носом воздух и обратилась к моментально подобревшей домоправительнице: — Сами готовите?

— Сама, — с гордостью призналась экономка, как раз зашедшая с чайником и дымящимися пончиками. — Штат прислуги маленький совсем остался, только чтобы дом поддерживать в порядке. Так вы голодная, наверное, совсем? Что с утра-то ели, бутерброд, и всё! Давайте за стол, госпожа!

Люджина рассмеялась на «госпожу», сказала: «Сейчас, только переоденусь» — и убежала. И выглядела она при этом так, будто одномоментно скинула лет пятнадцать. Как девчонка. Да уж, свежий воздух действительно творит чудеса.

После обеда пришел важный управляющий, по-деревенски неторопливый, показал новому хозяину все учетные книги, списки арендаторов, перечень того, что нужно отремонтировать и заменить в доме. Старик был обстоятельным, и просидели они долго — а Стрелковскому хотелось на улицу, под сияющее солнце, прокатиться по толстому слою снега. В окне то и дело мелькала фигура Люджины — какой круг она уже делает вокруг дома? Не перенапряглась бы.

В конце концов он не выдержал, вежливо заверил управляющего, что всем доволен, что он молодец и просто обязан принять от него, Игоря, премию, попрощался, быстро оделся и вышел во двор — нагонять в очередной раз пронесшегося мимо Воробья.

Катались они, пока не стемнело, и ужин проглотили, и добавки попросили, и заснули рано — каждый в своей комнате, но довольные и полные той хорошей усталости, которую

дает только долгое движение. И следующий день, как подгадал кто, выдался солнечным, и опять были лыжи и уверенный ход впереди его напарницы — капитан очевидно делала Игоря в лыжных гонках, как мальчишку, и иногда только оборачивалась и улыбалась покровительственно. Ему смешно было от этой улыбки.

— Вы неплохо катаетесь для южанина, — похвалила она его, когда они уже ехали обратно в Иоаннесбург. — Занимались?

— Чем я только не занимался, — сказал Стрелковский, глядя на дорогу. — И лыжи, и скалолазание, и по рекам сплавлялся. Всегда мало было.

— А сейчас же что? — спросила капитан. Он промолчал. Как объяснить, что все перестало радовать? Что он думал, будто давно уже отрубил у него желание получать удовольствие от адреналина и проверки своих сил и выносливости? Оказалось, не все выгорело — остался клочок его прежнего, уверенного, азартного, любящего спорт и движение.

Они возвращались в столицу, и чем ближе она становилась, тем яснее наваливались на Игоря привычные безразличие и сухость. И Люджина, видимо, почувствовала это и затихла. А потом и вовсе заснула.

Почти у самого дома Стрелковскому позвонил Тандаджи и сообщил, что посольство Маль-Серены открыло ему визу. И что на неделе можно ехать в Терлассу — ждать, пока у царицы Иппоталии найдется время дать Игорю аудиенцию.

Понедельник, 28 ноября, Иоаннесбург

Алина

С утра пятую Рудлог прямо-таки затерзали плохие предчувствия, выразившиеся в смутном беспокойстве и сосании под ложечкой. Однако они не на ту напали. Алина разумно считала, что все предчувствия разбиваются о подготовку и планирование. Поэтому тщательно просмотрела свой рюкзачок — все ли сложила, не забыла ли чего, — проверила целостность очков и каблучков на ботинках, быстро проглядела за завтраком домашние работы на предмет внезапных ошибок, пробежалась по темам зачета по магической культуре — тут вообще нужно быть идиоткой, чтобы не сдать. И, убедившись, что все предусмотрела, приказала себе успокоиться. Пары сегодня были простейшие, поэтому понедельник она любила — в отличие от миллиарда людей по всему миру.

«Перезанималась просто», — сказала принцесса себе, ощущая, как противно ноет тело, особенно ноги. И руки. И спина. И живот.

Алина чуть не всхлипнула от жалости к себе, но тут же вспомнила уничижительную речь Тротта и сжала зубы. Мерзкий-Тротт очень бы удивился, узнав, что именно он помогает пятой принцессе дома Рудлог вставать по утрам, когда за окнами еще темно и дворец спит, брести в полусне в тренажерный зал и там бегать, отжиматься и подтягиваться.

Точнее, пытаться отжиматься и подтягиваться.

Боги щедро отсыпали принцессе фамильного упрямства, не наградив ее при этом крепкими мышцами и гибкостью, и теперь она ненавидела и беговую дорожку, и парк, в котором изучила расположение всех елей и дубов, и сержанта Ларионова, все время пытающегося уговорить слишком резво взявшуюся за спорт ее высочество, и, конечно, язвительного и жестокого инляндца. Хотя, если рассуждать рационально, к ее зачету по физкультуре он отношения вообще не имел.

В универе, как всегда, было шумно, хоть и не так, как днем, когда студенты просыпались окончательно. Алина поздоровалась с камнями, получила сварливое наставление есть побольше, «а то одни глаза остались», и обещание наказать каменным коллегам из столовой проследить, чтобы она пообедала первым, вторым и пирогами. Увидела издали Матвея и Димку в окружении однокурсников, но застенялась помахать им, только улыбнулась, развернулась и пошла, топая по каменному полу, в сторону лектория. Парни нагнали ее секунд через тридцать, пристроились по обе стороны, Ситников сразу взял за руку, и ее вдруг обуяла гордость. Ну и пусть все смотрят, зато вон какие у нее друзья.

— У нас снова выезд, — басил Матвей, стараясь ступать не так широко, как обычно, чтобы Алинке не приходилось бежать за ним вприпрыжку, — теперь на несколько дней уезжаем. Будут нам показывать, как определять беспокойные кладбища, когда еще нежить не выбралась наружу.

Принцесса посмотрела на него, на Димку и только сейчас обратила внимание, что одеты они по-походному.

— Как я боюсь за вас, — сказала она искренне, — пожалуйста, не лезьте в самую гущу.

Парни синхронно и насмешливо фыркнули, и она возмущенно дернула Матвея за руку.

— Малявочка, — произнес он, стараясь оставаться серьезным, — нас же к этому и готовят. И тебе придется выезжать.

— Знаю, — ответила Алина печально, когда они остановились недалеко от лектория. Девчонки-однотруппницы делали вид, что не смотрят, но, судя по пониженным голосам, точно обсуждали их, а вот парни кивали приветственно, Ивар с Олегом так и вовсе сместились ближе, будто готовясь принять пост. Хотя почему «будто»?

— Две минуты до начала занятия! — заорали камни, двери лектория распахнулись, и студенты потянулись внутрь.

— Ты звони мне, — попросила она Матвея жалобно, — каждый вечер, хорошо? Иначе я с ума сойду от беспокойства.

— Обязательно, — пообещал он и погладил ее своей лапицей по плечу. Димка смотрел на них с умилением, и Алинка смутилась.

— Студенты, — раздался позади ненавистный голос, — звонок вам не указ, я полагаю?

Принцесса не стала оборачиваться. Потянулась к Матвею, искренне и неловко поцеловала его в уголок губ. А вот просто так. Потому что ей действительно за него страшно и потому что она взрослая и не надо ею командовать.

— Береги себя, пожалуйста, — сказала она удивленно смотрящему на нее парню и сжала его руку. И потом только обернулась. Но зря — в коридоре уже никого не было.

В лекторий она почти забегала — часы на дверях отсчитывали последние секунды. У преподавательского стола стоял профессор Тротт, и утренние дурные предчувствия завопили радостно: вот, мы же говорили!

Инляндец не посмотрел на нее, и принцесса быстро плюхнулась за парту рядом с Иваром, достала из рюкзака лекции, ручку.

— Что происходит? — шепотом спросила она у однокурсника. Тот мрачно пожал плечами.

— Происходит вот что, — сухо заговорил Тротт, оглядывая аудиторию, и студенты ежились под этим ледяным взглядом. — Вашу преподавательницу можно поздравить с прибавлением, ну а вас — с новым лектором. Для тех, кто не знает, — меня зовут Максимилиан Тротт. Можете обращаться ко мне «профессор». Я буду вести у вас курс «Основы стихийных закономерностей» до конца семестра. И принимать экзамен тоже буду я. Как вы уже наверняка слышали, главное на моих парах — дисциплина и тишина. Говорить разрешается, только когда я спрашиваю.

Алина подняла глаза к потолку и беззвучно застонала. Остальные сидели тихо, не шевелясь, — видимо, уже привыкли к методам преподавания инляндского гения.

— Я вижу, Богуславская жаждет показать нам плоды своей домашней работы, — безжалостно отметил профессор. — Прошу вас, студентка. Поразите нас.

Он быстро начертил на доске условия задачи — найти формулу баланса между тремя стихиями в заклинании левитации, если известна закономерность и сила действия каждой. Алина встала, решительно оправила юбку, распрямила плечи — как солдат, идущий на поле боя, — и спустилась по ступенькам к доске, неожиданно громко грохоча каблуками. Или это ей показалось из-за мертвой тишины в лектории?

— А чтобы вы не скучали, — ледяным голосом добавил профессор, обращаясь к молча наблюдавшим за происходящим студентам, — вам небольшой тест на проверку пройденного.

У вас полчаса, затем начнем лекционную часть.

Листы с его стола, исписанные с двух сторон задачами, аккуратно, один за другим взмыли в воздух, выстроились в рядки над партами и дружно, синхронно опустились перед хмурыми первокурсниками. И выглядело это так забавно, что Алинка, то ли от нервов, то ли от злости, фыркнула и тут же сжала зубы, чтобы не рассмеяться в голос. Отвернувшись к доске — решать задачу, но буквы и цифры прыгали перед глазами; плечи ее мелко тряслись.

— Богуславская, — проговорил Тротт, и смеяться тут же расхотелось, — как закончите решать, тоже принимайтесь за тест. В ваших интересах написать все быстрее.

Она благоразумно промолчала — только покосилась с ненавистью на рыжий затылок и с удивлением заметила, как напряглась спина в безукоризненном синем костюме.

Задача решилась легко и быстро — недаром она тренировалась на аналогичных дома. А вот потом начался интеллектуальный ад. Однокурсники ее старательно писали тесты, не поднимая головы, пока профессор размазывал Алинку у доски. Решения ему оказалось недостаточно. Тротт ровным голосом спрашивал у нее все определения, и она тарабанила их без запинки, глядя прямо в светло-голубые глаза, задавал вопросы о методике решения — и пришлось самой выводить первую теорему стихийных закономерностей, — велел найти альтернативный способ решения — и она едва удержалась, чтобы не запустить в него мелом. Место на доске заканчивалось, как и ее терпение, но вместе со злостью принцесса чувствовала восхищение: по одной задаче он заставил ее вспомнить практически весь курс — и сам ведь никуда не подглядывал, только смотрел на доску и задавал вопрос за вопросом.

Мел кончился раньше, чем доска, и Алина испачканным пальцем довела последние цифры и победно взглянула на инляндца.

— Садитесь, — сказал он наконец, — неудовлетворительно.

Алина сжала зубы от полыхнувшей ярости, моргнула несколько раз, чтобы не заплакать, и пообещала себе, что обязательно отомстит. Живот в самом низу вдруг заболел так, что утреннее сосание под ложечкой показалось легким поглаживанием, и принцесса едва удержалась от того, чтобы не застонать и не согнуться.

— Профессор, — произнесла она сдавленно и так деликатно, что Ангелина аплодировала бы ей стоя, — поясните мне мою ошибку, пожалуйста.

Тротт посмотрел на нее с неудовольствием.

— Оценка за невнимательность, студентка. Вы сами мне давали определение стихийной силы. Дважды я дал вам возможность заметить ошибку и исправиться. На экзамене у вас такой возможности не будет.

Она повернулась к доске, пытаясь понять, разобраться — и, конечно, тут же взгляд ее упал на условия, которые он написал. Расстроилась до невозможности. Боги, какая же она дурочка! И как он ее так подловил?

— Вы дали отрицательное значение для земли, — сказала она с тяжелым вздохом. — А стихии никогда не имеют отрицательных значений. Да. Я все поняла. Спасибо, профессор, оценка мною заслужена. Можно идти писать общее задание?

— Идите, — буркнул Тротт, выставляя оценку в журнал. — К следующему семинару готовьтесь получше.

— Обязательно, — пообещала она, изо всех сил сдерживая слезы. — Я подготовлюсь, профессор.

Инляндец взглянул на нее и нахмурился.

— Сходите за мелом, — наконец сказал он. — И ум... помойте руки. Я дам вам

дополнительное время на тест.

В туалете она промокнула глаза, подышала немного в окно, пытаясь успокоиться. Было обидно, и злилась она ужасно. Живот отпустило так же резко, как началась боль, и по телу расплывалась странная вялость.

Вернувшись, Алина тихо положила мел у доски — она была уже протерта, — затем поднялась к своему месту под сочувственным взглядом Ивара и принялась за решение заданий. И глаз больше не поднимала. Потому что очень боялась снова сорваться — как тогда, у него дома, только при всех.

— Ты молодец, — сказал ей Ивар после пары. — Не переживай только, через это все прошли. Ты еще долго продержалась.

— Спасибо, — жалобно произнесла Алинка и пошла к каменам. Как всегда, жаловаться.

Каменные стражи ругались жутко и гулко, ничуть не стесняясь проходящих мимо студентов и преподавателей. А она сидела рядом с Аристархом и очень жалела, что здесь нет Матвея. Его же можно обнять! И постоять так в обнимку, успокоиться. Иногда принцессе казалось, что Матвей — это такой большой и щедрый шар доброй энергии, которой он делится с ней, Алиной, — так легко и хорошо с ним было и так бодро она себя ощущала после общения с другом.

— Мы что-нибудь придумаем, козочка ты наша, — зловеще проскрипел Ипполит. — Так не оставим, вот поглядишь.

— Да ладно, — сказала принцесса, грустно улыбаясь — так потешно они сердились, — сама виновата. Если честно, то он прав. Я бы не сдала, если бы на экзамене было дело, так что лучше уж так... А вы, — она строго посмотрела на ругающихся друзей, — не вздумайте что-то натворить. В прошлый раз из-за вас Матвея чуть не исключили! Обещаете?

Камены сделали максимально честные лица и протянули: «Обещаем». Алинка с сомнением посмотрела на них, покачала головой и встала. Нужно было идти на вторую пару, сдавать зачет по магкультуре. Хотя, если честно, больше всего ей сейчас хотелось уйти домой, забраться в постель и пожалеть себя.

А еще хотелось совершать глупости. Как будто мало было тренировок и подготовки к экзаменационной неделе.

— Олег, — спросила принцесса у одноклассника и охранника по совместительству, когда они праздновали успешно сданный зачет, попивая сливовый компот в столовой, — а когда у Тротта сдача по магмоделям?

— Промежуточный уже был, — сказал парень, недоуменно поглядывая на нее, — но он же набрал девчонок, поэтому будет еще — в середине месяца, прямо перед экзаменами. А что?

Ивар, жуящий сосиску, тоже посматривал на Алину с любопытством.

Она пожала плечами.

— Любопытно просто, — сказала принцесса небрежно. — А вопросы и задачи к зачету есть?

* * *

Придворный маг Рудлогов, Зигфрид Кляйншвитцер, был человеком флегматичным и спокойным. И он очень спокойно отреагировал на просьбу пятой Рудлог выделить ей каждый день по часу (а лучше по полтора), чтобы позаниматься. Тем более что его бар постоянно пополнялся чудной ракией с Маль-Серены, а лучшее успокоительное придумать было сложно.

А вот профессор Тротт, зашедший на кафедру после пары и с минимальной вежливостью постаравшийся отвязаться от многословных благодарностей не вовремя проснувшегося завкафедрой, с удивлением обнаружил, что кто-то — или что-то — мешает ему открыть Зеркало из коридора университета. Причем помехи были такие... серьезные, будто он находился в эпицентре землетрясения. Зеркало изгибалось, подрагивало — ему это не помешало бы пройти, конечно, но нужно было разобраться. По крайней мере, сообщить Алексу.

Но сообщить он не успел. Свет в коридоре внезапно погас, пол под ногами вздыбился, пошел волной... и расступился, и Макс, успев сгруппироваться, влетел в чужеродный открытый проход, попутно запуская заклинание левитации и выхватывая клинок.

Он завис в крошечной тьме. Пахло сыростью, застарелой, земляной, и при этом —

озоном, как после грозы. Запустил сразу веер «светлячков» — те повисли шаром вокруг него, но, сколько ни вглядывался Макс во тьму, ему казалось, что нет ни пола, ни стен, ни потолка — он будто бы находился в бесконечности. Попытался открыть Зеркало — но портал сминало, скручивало, как листок бумаги.

Щитов словно коснулись огромные руки, сжали — и отпустили, а изнутри рванулось тщательно сдерживаемое, голодное. Макс скрипнул зубами, добавил света, вгляделся, меняя магические спектры, — и медленно спустился на пол огромного зала. Кажется, он понял, куда попал.

Здесь просто искрило от избытка энергии. По стенам, неровным, словно созданным из сотен тысяч желобков, струилась вниз стихийная сила, и в третьем магическом спектре это выглядело ошеломляюще красиво — будто он оказался внутри огромного мерцающего водопада. Стен не хватало, и с потолка медленно текли тонкие разноцветные сияющие струи, огибали его защиту и впитывались в пол. Пиршество для любого мага — но не для него: Макс спешно устанавливал еще щиты, выдыхал, чтобы бороться с искушением.

Святая святых старого университета, зал заземления последствий учебы тысяч студентов. Интересно, Алекс здесь бывал?

Природник затылком чувствовал чье-то присутствие, и волосы поднимались дыбом. И никак не мог определить направление — казалось, что смотрят со всех сторон.

— Ладно, — тихо проговорил Тротт, и эхо начало шелестом повторять его слова, — что вам нужно?

«Нуж-ж-ж-жс-с-сно-о-о... с-с-с-сно-о», — издевалось эхо. От стены раздался смешок, еще один, и вдруг загудел вокруг такой оглушительный хохот, что стихийный дождь расплылся и застывал в воздухе мерцающим туманом.

— Ну хорошо, — предупредил Макс, — не хотите говорить? Больше говорить не сможете.

Эхо от хохота все еще гуляло по залу, когда Тротт потянулся к сияющему дождю, уплотняя нити, утрамбовывая и перенаправляя. Загудело, зал стал подрагивать — медленно двинулись вдоль стен потоки стихий; струи, текущие по желобкам, отрывались от стен и, изгибаясь, сливались с набирающим силу ураганом. Инляндец снова поднялся в воздух — его потряхивало от желания выпить все вокруг, поглотить, но он все добавлял и добавлял мощи, чтобы потом ударить и снести и барьеры, поставленные неведомыми шутниками, и самих невидимых любителей посмеяться.

— Но-но! — раздался в зале громовой голос. — Не шали, малец! Сейчас ведь университет порушишь!

От стен, прямо из мерцающих струй, соткались две огромные фигуры — Тротт с трудом видел их через потоки, с ревом крутящиеся вокруг. Фигуры то расплывались, то становились четче, но черты лиц были ему знакомы. Вот какие вы, хранители старого университета, герои легенд и студенческих страшилок.

Макс опустился на землю, присел, приложил ладони к полу и медленно, с трудом стал выкачивать чудовищный вихрь в землю. Зал мелко затрясся, а фигуры подошли ближе, сели, скрестив ноги, и не без удовольствия наблюдали за инляндцем. И болтали, несмотря на то что подпрыгивали вместе с дрожью земли.

— Силен, да, Арик? А хлюпиком был каким, аж гордость берет! Наш воспитанник-та!

— Так, — сказал Тротт раздраженно — ладони горели, остатки созданного им урагана таяли призрачной пылью, невольно прихваченная сила игриво колола тело, — кто вы такие,

я уже понял. Что нужно?

— Пугнуть тебя хотели, — с ехидцей ответил Аристарх, камен из коридора первого этажа. — Очень уж ты, малец, злобный.

— Обженить его надо, мигом подобреет, — буркнул второй и вдруг поменял форму, став похож на Мартина — только огромного, светящегося, и Мартиновым же голосом добавил: — Эта он сублимирует так.

— А может, прикопать тут? — спросила мерцающая леди Виктория, повела плечом и подмигнула Тротту. — Никто и не найдет.

Макс выдохнул, отметил про себя, что в кабинете Алекса больше встречаться не следует. В голове зашумело. Он не переносил нелепые ситуации.

— А злится-то как, поглядь, — ехидно сказал псевдо-Мартин и погрозил Максу пальцем. — Ты вот что, малец, охолонь-ка. Поговорим. Пошто девчонку опять обидел? Она вон какая маленькая да худенькая! Ты хоть погляди, какая она хорошенькая, чисто козочка! И добрая!

— Нежить, — сухо сказал Макс, мысленно прокляв уже и свою доброту, и Алекса, и профессора Николаева, сладко спящего у себя в кабинете, — одинаково жрет и маленьких, и больших. От неправильной волшбы гибнут и хорошенькие, и некрасивые. Если ей руки оторвет, то доброта не спасет. Вы здесь сотни лет — сколько на вашей памяти студентов доживало до седьмого курса? Только с нашего потока из ста пятидесяти человек тридцать погибло до выпуска. И больше половины — в первые двадцать лет после.

Камены слушали его, и ехидное выражение на их лицах менялось на сочувственное, и фигуры друзей таяли, уступая место прежним обликам.

— Я даю знания так, — продолжал инляндец зло, и голос его отражался от стен, — чтобы им даже в голову не пришло совершить ошибку. Кто послабее — сам уйдет или на экзаменах отвалится, а кто посильнее — я буду уверен, что сделал все, чтобы они в живых остались. Сюда идут с пустыми головами, забитыми романтическими представлениями о том, какими они будут великими магами, как их будут все уважать. И не понимают, что это тяжелый труд, обожженные руки, ранения и постоянный самоконтроль. А вы со своей жалостью и сюсюканьем только вредите студентке.

— Все правду говоришь, но ты подумай, — совершенно нормальным голосом вдруг сказал Аристарх. Или Ипполит? — Время заматереть у нее еще будет. Ты тоже, малец, не сразу гиперученым стал, и замечу, что учится она поболее тебя на первом курсе. А сейчас сломаешь, и что?

— Целее будет, — Макс раздраженно дернул плечами. Камены смотрели на него с жалостью, и он открыл Зеркало — никто ему не препятствовал — и ушел в свой привычный, спокойный, тихий лес. Без рыдающих девчонок и восставших духов.

Хотя нет, рыдающая девчонка тут уже была.

Весь день, пока он работал, Макса потряхивало, и он предпочитал думать, что это от избытка силы. Инцидент в заземлителе он уже забыл. А помнились ему злой взгляд зеленых глаз, юбка, едва прикрывающая колени, пальцы, испачканные мелом. И где-то глубоко снова шептал тихий голос совести: ну к чему тебе противостояние со вчерашней школьницей? Оставь ее в покое!

Тротт упорно работал до поздней ночи и настолько измотался, что рухнул в постель, не поужинав. Тело так ломало, что он почти с удовольствием, поймав момент между сном и явью, отпустил себя туда, куда уже много лет не ходил по своему желанию. Туда, где он

проживал вторую жизнь, являющуюся ему во снах, вколачивающуюся в мозг чужой памятью, напоминающую о себе в моменты избытка силы настойчивым голосом «пусти меня». Сейчас он шел туда добровольно, потому что уж лучше так, чем сорваться здесь.

Макс обнаружил себя в дороге, недалеко от поселения: с пояса свисали несколько подстреленных зайцев, на спине, между отрастающими крыльями, висел лук. Переждал поток хлынувших воспоминаний, морщась и сжимая зубы. Получается... с его последнего, не очень приятного пребывания здесь прошло почти два месяца? Время здесь текло странно по отношению к туринскому — никак он не мог вычислить закономерность.

Уже садилось солнце, и Тротт медленно зашагал к городку, вдыхая влажный и теплый лесной запах. Но пошел не домой — направился на окраину поселка, к маленькому деревянному дому с соломенной крышей.

— Это я, не бойся, — сказал он предупреждающе, ступая в темный проем двери. Здесь пахло кислым тестом и медом. Женщина, склонившаяся над столом, на ощупь перебирала крупу. Подняла незрячие глаза, улыбнулась настороженно.

— Давно не заходил, Охтор.

Действительно, давно. С момента пленения его дар-тени здесь не был.

— Дети где? — спросил он, кладя на стол добычу и снимая с пояса кошель с золотом. Кошелек звякнул о дерево — хозяйка дома дернула губами, вздохнула благодарно, и он взял ее ладонь, положил на кошелек, потом на одного из зайцев, чтобы ощупала.

— На сеновал пошли спать. Старший натрутился, душно в доме-то.

— Хорошо, — проговорил Тротт, снимая лук, перевязь. — Я сейчас обмоюсь, Далин.

— Будешь есть? — спросила она, прислушиваясь.

— Нет, — ответил он нетерпеливо. — Приготовь постель.

Он вышел во двор — на землю уже опускалась темнота, и только окошки светились свечным огнем да горели факелы на воротах городка. В лесу щебетали птицы, иногда слышался треск — то бродила местная фауна. Охотник снял кожаную куртку, штаны, отставил сапоги и пошел к колодцу, лично выкопанному им.

Ворот скрипел натужно, но он вытащил ведро, разделся донага и окатился ледяной водой, фыркая и отряхиваясь. Потом еще и еще, пока не заломило зубы, а голова не перестала гудеть.

В поселке жили не только дар-тени. Простые люди иногда появлялись здесь, спасаясь от жестокости феодалов, и их принимали — самих крылатых было слишком мало, чтобы обеспечивать жизнь.

Далин пришла сюда с двумя сыновьями. Хозяин швырнул ей в лицо горсть углей и выпорол — за то, что женщина, обнося его гостей, пролила вино на костюм одного из них. Сбежавшие дети отвязали искалеченную мать от дерева — ее оставили в жертву чудовищным обитателям окрестностей — и буквально на себе притащили к посту дар-тени.

Далин приняла, вылечила — но что она могла делать, чтобы прокормиться самой и прокормить детей? Только предлагать себя. Она предлагала, а он брал, помогая ей и жестко запретив принимать других мужчин. Только если соберется замуж.

Впрочем, таких, как Далин, здесь было много. Люди шли и шли, умоляя не оставить их в беде. Были среди них и лазутчики, но их быстро вычисляли и расправлялись жестоко и наглядно.

Мир этот вообще был жесток, и уважали в нем только силу.

Женщина ждала его, скромно сидя на кровати: она надела его подарок, сорочку с

красными и желтыми цветами, распустила волосы. Протянула руки, ощупала его живот, провела губами где-то в области пупка и ниже и подняла лицо.

Кажется, глаза у нее раньше были зелеными — хотя что в этой темноте разглядишь? Но он наклонился и сделал то, чего никогда не делал, — медленно, глубоко поцеловал ее, сжимая ей грудь, чувствуя, как закипает кровь, а томление тела становится невыносимым. Опрокинул ее на кровать, задрал сорочку — она дышала тяжело, повернув голову к стене, — и навалился сверху, раздвигая коленом бедра.

— Миленький, полегче, — просила она сипло, прерывалась, пыталась оттолкнуть его слабыми руками и стонала протяжно, — что же ты голодный такой, дикий... миленький мой, милый...

От этих просьб и стонов он совершенно сорвался — в голове не осталось ни единой мысли — и, кажется, рычал ей что-то на ухо, и переворачивал ее на живот, и кусал за плечи, вколачиваясь в мягкие ягодицы до кровавых всполохов в глазах.

Позже, когда он уже спал, чувствуя блаженную легкость, женщина все гладила его отрастающие крылья, руки и тяжело вздыхала — то ли о пропадающем то и дело мужике, то ли о своей судьбе.

Макс проснулся в полумраке — небо за окном только-только начало сереть — и несколько секунд соображал, где он. Телу было хорошо, но недостаточно, и он потянулся расслабленно, поискал рукой рядом женщину — ее не было. Поморщился и сел, всматриваясь в полутьму. Зрение привычно переключилось, окружающее приобрело четкость.

В печке, стоящей в углу, мерцали угли, Далин колдовала над столом — обвязавшись передником, катала по посыпанной мукой поверхности ком теста. Ей свет был не нужен.

Тротт встал, подошел к ней сзади, обхватил за талию, прижал к себе, забрался рукой в ворот рубахи — грудь ее была мягкая, приятная ладони.

— Дети скоро встанут, — сказала женщина просяще, упираясь руками в стол, — хлеб бы поставить.

— Тихо, — Макс коснулся губами ее шеи, поцеловал, и она замолчала, замерла от непривычной ласки. Но он уже опускал ее животом на стол, задирали юбку — Далин схватилась обсыпанными белым пальцами за край — и он почему-то только и смотрел, что на эти пальцы, — и сдавленно вздохнула, качнувшись вперед, размазывая муку по дереву. Но двигался он в этот раз медленно, почти бережно, не сжимал до синяков — и так украсил ими ее тело вчера до чрезмерности — и дал ей удовольствия сполна, прежде чем разрядиться самому.

Позже, когда утреннее солнце уже окрасило крыши домов косыми блеклыми лучами, в печи поднимался хлеб, пахло сладким сытным духом и булькал горшок с кашей, Далин с красными стыдливими пятнами на щеках чистила ему сапоги на крыльце, а он под болтовню мальчишек колдовал ей дрова. Пацаны следили за ним с восхищением — старшему только-только исполнилось десять, но он старался, помогал матери по мере сил, берег брата.

Конечно, они понимали, почему дядька иногда остается у них ночевать. Здесь быстро выросли. Но не судили мать — наоборот, хвастались, что их семья под защитой самого Охтора.

— Ты скоро придешь? — робко спросила она его, когда он собрался. Протянула ему

узелок с копченой зайчатинной, с караваем хлеба.

— Не знаю, — ответил Макс совершенно искренне. — Я далеко сейчас ухожу, Далин.

Она стояла у изгороди, слушая, как он уходит, затем развернулась, приложила к щекам ладони и тихо заплакала. Макс ускорил шаг. Женские слезы в обоих мирах не добавляли ему добродушия.

Охтор заглянул и к себе в дом — там было прохладно и чисто. Усмехнулся — жизни разные, привычки одни. Надел под одежду броню, взял оружие, плащ — и ушел, хотя очень хотелось обратно, в привычный мир: он всегда боялся, что не сможет вернуться. Но за долгие годы Тротт привык к страху и научился с ним справляться, а раз уж он по своей воле спустился сюда, нужно проверить видения Алекса.

Через три дня путешествия по папоротниковым лесам и болотам и стычек, по счастью, не с самой крупной живностью Макс пришел в харчевню, стоявшую на оживленном тракте. Перед выходом на дорогу охотник предварительно накинул морок на глаза — только они сейчас могли выдать его суеверным местным. Отрастающие крылья пока легко ложились под кожаную куртку, хоть и неудобно это было до невозможности. Послушал разговоры — где еще искать информацию, как не в месте, собирающем торговцев, разбойников, лазутчиков и охранников со всех архов континента? Хозяин харчевни, знающий Охтора уже давно и наученный, что трогать гостя не стоит, исправно указывал ему на обозы, рассказывая, кто откуда идет и куда держит путь.

Макс слушал и наблюдал, поил разговорчивых купцов солтасом — местным аналогом пива — и тщательно отслеживал, чтобы не попасться на глаза иногда останавливающимся пообедать всадникам. Они, конечно, не одолели бы его, но потом на безродного, осмелившегося поднять руку на господ, объявили бы охоту, ну и харчевню бы спалили в качестве возмездия.

Ночевать высокородные тха-норы здесь не останавливались — не по чину было делить кров с мужичьем. Но и во время коротких остановок они ухитрялись устраивать драки — одному из купцов, замешкавшемуся с поклоном, перерезали горло и бросили на влажной земле дороги, кнутом высекли хозяина харчевни за показавшееся кислым вино. Старый пройдоха, ко всему уже привычный, вечером все так же обносил постояльцев едой и пивом, хоть и морщился на поворотах и рубаха его под жилеткой набрякала от крови.

— Э-э-э, братец, — горячо говорил один из торговцев, прибывших из портового города, — говорю тебе, предсказание было. Хранительница капища упилась болью пленников и сказала, что скоро уже врата откроются в землю, тучную и изобильную. Но надо готовиться, вот и созывает тха-но-арх войска, дабы прийти туда победителем. Хранительница прорицает: утонем мы все скоро, Ларта как блюдечко в океан опускается.

— Я сказания про ту землю, как родился, слышу, — возражал ему второй, пузатый, захмелевший, — дурь все это, — он понизил голос, — думаю, опять крылатых воевать собрались. Говорят, милостью Малвика сумели приучить рыньяров, да от тха-охонгов в окрестностях Лакшии уже не развернуться.

Макс кивал, запоминая. Рыньяры — местные гигантские аналоги обыкновенных стрекоз, Малвик — чудовищный бог, один из пантеона, и новости эти — если они не окажутся обычными сплетнями — были пугающими.

Когда разговоры стали повторяться, он ушел в сторону Лакшии. И, хотя зарекался использовать дороги, в этот раз дал слабинку. И поплатился за это на следующее утро, когда оглянулся и увидел, что его нагоняют трое всадников на охонгах — темно-зеленых мелких

родственников тха-охонгов.

Ну как мелких... Размером с лошадь.

Макс еще надеялся на мирное разрешение ситуации, поэтому ступил на обочину, встал на колени, опустил голову. Ни к чему привлекать к себе внимание.

Всадники замедлили ход, и Макс напрягся — ездовые богомолы хоть и предпочитали растительный рацион, от свежего мяса еще не отказывались.

— Он? — крикнул один из преследователей в форме со знаками отличия местного феодала. Макс выругался про себя — тха-нейры, цепные псы господ, имеющие полную власть судить и карать.

— Старик так описал, — высокомерно сказал другой, будто никого, кроме них, здесь не было. — Эй, ты! Лицо покажи!

Третий молча достал арбалет, направил на Тротта.

Макс откинул капюшон, глянул на заинтересованно присматривающихся к нему охонгов, щелкающих челюстями и опирающихся на передние лапы — острые, с зазубринами, — перевел взгляд на нейров. Двое спешили, достали мечи, подошли ближе, и главный, со знаками отличия, острием клинка коснулся шеи Макса — тот сжал зубы, все еще надеясь, что пронесет, — прочертил кровавую полосу вверх, поднимая подбородок к свету.

— Глаза обычные, — сказал главный, присматриваясь. — Эй! Ты для кого вынюхивал в таверне? Для Венрши? Ханоши?

Сдал все-таки хозяин, не удержался. Тха-нейры платили золотом и покровительством, а феодалы ловили лазутчиков друг друга с азартом и пятки поджаривали с удовольствием.

— Я просто общался, — за ворот текла струйка крови, а мозг уже просчитывал ситуацию, мышцы напрягались, настраивались на драку. — Ждал обоз в Лакшию. Хочу там работу искать, почтенный, но ни одного обоза не было. Пришлось идти самому.

Воин выслушал его с брезгливостью, что-то решил, толкнул в грудь сапогом — Макс повалился на землю и услышал свист стали. Тут же рванулся в сторону, прыгнул, уходя от выпущенного болта и настигающего клинка, сорвал плащ, махнув им перед носом у набегающего противника, развернулся за спину второго пса тха-нора и свернул ему шею. Меч нейра на замахе разрубил уже мертвого соратника, как свиную тушу, — и тут же защелкали жвалами охонги, бросились вперед, на свежую кровь, и стали рвать недавнего хозяина.

Тротт рванулся к потерявшему ориентацию от прыжков своего скакуна арбалетчику, взбежал по покатою хитиновой спине дергающегося богомола, увернулся от кинжала, вывернул нейру руку — мужчина закричал визгливо от ломающихся костей и замолчал, глядя на всаженный ему в грудь собственный нож. На губах у него пузырилась кровь, и он медленно валился со спины охонга вбок, застряв в стремях. Макс выхватил меч, развернулся.

— Тебя же на кусочки порежут, тварь, — крикнул третий, главный, замахиваясь мечом. — Ты же подышать будешь до-о-олг...

Он забулькал, держась за рассеченное горло, и упал — угрозы за свою жизнь Тротт наслушался достаточно, и ничего нового ему сказать не могли. Потом пришлось убивать обожравшихся богомолов, вскрывая нервный узел в сочленении хитиновой брони. Себе оставить даже одного не решился, хоть это и ускорило бы движение — попробовавшие крови, они могли сорваться, а ему только возможности быть сожранным ночью собственным транспортным средством не хватало. И уже потом пожалел, что не оставил одного из нейров в живых — его можно было расспросить, и информация точно была бы вернее, чем

полученная в харчевне.

Дальше Макс не рисковал, ушел в лес и там на ближайшей ночевке оставил своего дар-тени. Путь к Лакшии предстоял долгий, а миром Лортах с его грязью, жестокостью, высокими травянистыми лесами и огромными насекомыми Макс уже наелся досыта. Вернется еще, а если даже и промахнется, то Охтор все узнает и без него. Главное — не опоздать.

Утром, проснувшись в своей спальне, профессор мучительно приходил в себя. Чем дольше он находился в Нижнем мире, тем труднее было удерживать контроль. И инляндец, шатаясь, пошел в лабораторию, снова набрал в игольницу репеллента и наколол на плече очередной защищающий знак. В вену пошла доза стимулятора, и, только когда тонизирующее стало работать, в глазах просветлело.

Он еще успел постоять под обжигающим душем, щиплющим вздувшуюся от уколов кожу на плече, выпить кофе — и только потом с облегчением вспомнил, что семикурсники уехали на практику, а значит, не надо идти в университет заниматься с ними. И хотя оставленная постель манила улечься и поспать хотя бы два часа, Макс оделся, аккуратно застелил кровать и ушел в лабораторию. Мир мог катиться ко всем чертям, а проекты нужно было заканчивать.

28 ноября, понедельник, Иоаннесбург

Полковник Майло Тандаджи, взбодрившись утренним совещанием и придав сотрудникам должное ускорение, еще раз просмотрел видеозаписи допроса проснувшихся демонят. В связи со срочностью дела пришлось выходить на работу в воскресенье и лично проводить допрос — в присутствии ведущих следствие подчиненных, конечно. И сейчас он прокручивал запись, пытаясь найти то, что упустил при личном общении.

— Господин полковник, — в кабинет заглянул капитан Рыжов, — вы приказали зайти.

— Да, Рыжов, — Тандаджи поставил запись на паузу, — я определился с вашим следующим заданием.

Василий приуныл, и начальник некоторое время наслаждался сменами оттенков вины на его лице. Рыжов тяжело переживал свой провал в Теранови.

— Так вот, — продолжил тидусс, когда воспитательная пауза была закончена, — вы снова отправляетесь в Теранови. Будете работать при дипслужбе и докладывать мне о контактах с Песками. Работать, Рыжов, — добавил он сухо, видя, как капитан от радости чуть ли не с объятиями готов к нему рвануть, — а не поедать колобки и развлекаться с вдовушками.

— Я, может, жениться на Эльде хочу, — с некоторой даже обидой сообщил капитан. На слове «колобки» глаза его воодушевленно блеснули.

— Дело хорошее, — ледяным тоном поддержал командир, — новый опыт — это всегда прекрасно. Когда решите, «может» или женитесь, сообщите мне. Смелость требует поощрения.

Рыжов недоуменно и подозрительно посмотрел на невозмутимое начальство, но интересоваться, что тот имел в виду, не решился — отрапортовал «так точно» и удалился. А тидусс, воспользовавшись паузой (и вспомнив о рыбках, глядя на голодное лицо подчиненного), покормил питомцев и снова включил запись.

Жена на удивление не ворчала по поводу его отлучек. Они с матушкой наперегонки шили будущему маленькому Тандаджи микроскопические детские вещи, хотя семья была в состоянии скупить несколько детских магазинов и не обеднела бы. Тидусс смотрел на пинетки и пестрые штанишки с сомнением — он уже успел забыть, какими крошечными рождаются дети.

Сейчас супруга взялась вышивать традиционный тидусский та-пonti — огромный яркий платок с изображениями всех главных духов-покровителей, в который закутывают новорожденных сразу после появления на свет. Матушка, кажется, немного завидовала — касаться та-пonti могли только материнские руки, — но Таби проявила неожиданную мудрость и привлекла свекровь к выбору ниток и узоров. Так что дома воцарилась благословенная тишина, и парадоксально, но начальнику разведуправления Рудлога даже немного не хватало привычного скандального фона.

— У тебя, полковник, видимо, выработалась привычка к боли, переросшая в потребность, — со смешком сказал Стрелковский, когда Тандаджи заглянул к нему поинтересоваться сроками поездки на Маль-Серену, выпить кофе — и неожиданно поделился семейными радостями. Хотя почему неожиданно? Игорь вывел его на разговор, спросив про здоровье супруги, про то, как отдыхалось и не выносит ли она детские отделы. Майло понял, что разоткровенничался, только на последней фразе. И с уважением глянул на коллегу. Мастерство не растеряешь.

Или ему самому хотелось поговорить?

— А как твоя поездка? — спросил тидусс, делая последний глоток обжигающего кофе. Поморщился — снаружи долбили машины, забивая сваи, и разговаривать приходилось на повышенных тонах, даже звукоизоляция кабинетов не помогала.

— Катались на лыжах, — коротко ответил Игорь. Майло выразительно молчал, глядя на него тяжелым следовательским взглядом, и Стрелковский усмехнулся и пояснил: — Дробжек устроила мне насыщенную физкультурную программу. Надо больше тренироваться: если бы она была в форме, мой авторитет, и так пошатнувшийся, упал бы ниже некуда.

— Посоревнуетесь в заплывах на открытой воде, — ехидно буркнул Тандаджи, понявший, что ему ничего больше не расскажут. — Когда поедешь?

— Сейчас посмотрю срочные дела, — Игорь кивнул в сторону папок, — и рассчитаю время. Может, завтра. Тебе бы тоже семью вывезти хоть на выходные, Майло.

— Некогда, Игорь, — проговорил тидусс и блеснул глазами. — Сам-то, когда на моем месте был, сколько выходных не на работе провел?

Стрелковский пожал плечами. Он не стал говорить, что дома ему делать было нечего. А здесь рядом всегда находилась королева. Спала, обедала с семьей, отдыхала в парке, принимала делегации. У нее тоже не было выходных. И пусть он сидел в своем кабинете, а она жила своей жизнью в противоположном крыле — Игорь всегда ощущал ее. Чувствовал, когда она здесь. И одергивал себя, чтобы не искать встреч.

— Что с твоими демонами? — поинтересовался он. — Продвинулся?

— История простая, — сказал Тандаджи уныло. — Ничего, что позволило бы сделать скачок в расследовании, мне задержанные не поведали. Отец старшего из темных, Эдуарда Рудакова, год назад оказался в затруднительной ситуации. Студент учился платно, и встал вопрос о том, что придется прекращать учебу. И внезапно в знакомых их семьи оказался Соболевский, который выручил деньгами и предложил оплачивать дальнейшее обучение. Объяснил свою заинтересованность тем, что видит в студенте потенциал и что после окончания учебы Рудаков сможет отработать долг у него в компании как наемный маг.

— И родители, конечно, проглотили нелепое объяснение, — сумрачно произнес Стрелковский. — И мысль, что можно найти мага прямо сейчас, не тратя денег на недоучку и не ожидая окончания университета, им в голову не пришла.

— Может, и пришла, — равнодушно сказал Тандаджи, — но сам знаешь, деньги — великий аргумент, особенно если другого выхода нет. Так что продали нашего студента с великой охотой.

— Поползновений к мальчишке со стороны Соболевского не было? — поинтересовался Игорь.

— Нет, — тидусс покачал головой, — никакого сексуального уклона, хотя мы отработывали эту версию. Я специально включил это в допрос, потому что, по словам участников заговора, женщин рядом с Соболевским они никогда не наблюдали. Хоть он и был постоянным объектом охоты со стороны желающих отхватить богатого мужа, но никому знаков внимания не оказывал и ни с кем не спал — прислуга утверждает, что на их памяти у него любовниц не было. По борделям тоже не ходил. Разве что Зеркалами и тайно.

— Нет, — медленно сказал Стрелковский. — Это какая-то особенность у темных, Майло. Смитсен тоже не имел связей — ты сам мне отчеты строчил, помнишь?

— Да толку с этого знания, — с толикой неудовольствия отметил Тандаджи. — Если по отсутствию женщин определять одержимых, то ты будешь главным подозреваемым, друг мой.

Игорь Иванович раздраженно прищурился, но тут в двери кабинета постучали, и в кабинет заглянул один из следователей.

— Господин полковник, — оба «господина полковника» посмотрели на него, и подчиненный запнулся, — господин Тандаджи, простите, но готов отчет по контрабанде. Вы на совещании приказали сообщить, как только закончим.

— Дела бы вы так заканчивали, как бумажки пишете, — уничижающим голосом произнес начальник разведуправления, и следователь сделал очень покаянное лицо. — Через пятнадцать минут в мой кабинет, Стецкин.

— Так точно, — обрадовался отсрочке экзекуции подчиненный и исчез. Тандаджи наморщил лоб.

— Мы говорили о моих женщинах, — угрожающе напомнил Стрелковский.

— Об их отсутствии, — небрежно уточнил педантичный тидусс и мудро вернулся к основной теме: — Со временем у Рудакова начались кошмары, в снах стал появляться Соболевский и проводить качественную промывку мозгов. Дальше — сектантская классика: давил на чрезмерное самомнение, утверждая, что тот — великолепный маг, но может еще больше, только надо научиться брать энергию у других. Успокаивал совесть, разъяняя, что если присасываться аккуратно, то людям не повредишь, а свою силу увеличишь. Так что к тому времени, как студенту сообщили, что он темный, и стали учить скрывать свою сущность, тот уже был готов воспринять это спокойно.

— А в семье никто не знал, что ли? — удивился Игорь.

Тандаджи покачал головой.

— Нет. Как и у второй темной, где-то далеко был предок из Блакории, но так далеко, что при посещении храма их не определили, отмечаться не порекомендовали. Жрецы Триединого как-то ощущают активную ауру у темных, которым нужно сопровождение духовника, чтобы сдерживать свою сущность, их и легализуют.

— Про легальных я тоже в свое время интересовался, — поделился хозяин кабинета. — Получается, что те потомки Черного, которые ходят в храм, куда безопаснее для окружающих, чем такие вот темные лошадки со спящими генами, пропущенные жрецами. Никогда не знаешь, в какой момент проснутся. Или, может, уже проснулись, но маскируются?

— Ну, наш клиент не проснулся, — с брезгливостью произнес Тандаджи, — его разбудили. Питался мальчик по-мелкому, пока не увидел ректора Свидерского, сильно сдавшего. И, как самоуверенный идиот, решил порадовать учителя — посчитал, что раз ректор так ослаб, что не может поддерживать метаболизм и стареет на глазах, то пробить его защиту и высосать побольше сами боги велели. А там уже и до великого мага недалеко. Девчонка, Яковлева, попала под его воздействие случайно. Он испугался, пошел виниться к Соболевскому, тот, конечно, настучал по голове за самодеятельность, велел привести к нему Яковлеву пообщаться. И идею с ректором одобрил, только строго приказал не торопиться, брать по чуть-чуть, чтобы не попасться. А лучше подождать до зимы, подпитываясь пока от соседей по общежитию.

— Почему до зимы? — перебил его Игорь.

— Хотел бы я знать, — буркнул Тандаджи. — Наш демон вообще вел себя как добрый дядюшка: объяснял, что ничего страшного в природе темных нет, надо просто уметь управляться со своей силой. Строго приказывал не увлекаться и поначалу брать по чуть-чуть, потому что можно не справиться с темной сущностью и начать безудержно выпивать окружающих, а там и до обнаружения и нейтрализации недалеко. Менталистике учил.

— Просто святой, — с сарказмом заметил Игорь.

— Ну, для Рудакова он вообще светоч, — согласился Тандаджи, — а вот вторая студентка нежеланного учителя не так радужно оценивает. Хоть плохого про Соболевского сказать ничего не может, но сама себя боится.

— Значит, Рудакова на базе просто сорвало?

— От алкоголя и переживаний, — кивнул Тандаджи. — Хотя Яковлева отмечает, что у него заметные изменения в личности и до этого происходили. И что, вопреки наставлениям старшего, Рудаков пытался от ректора взять по максимуму. На базе же сначала выпил тех, кто был на других этажах, — тидусс поморщился, вновь переживая неудачу почти пяти десятков охранников, — потом принялся за однокурсников. Принцесса Алина тут ни при чем, никто не охотился специально на нее. Самое неприятное, что не будь на убежавших студентах тренировочных сигналок от Тротта и не присутствуй там принцесса, то мы, возможно, о происшествии узнали бы слишком поздно — или вообще не узнали, если бы пострадавшим стерли память, как планировали. И получили бы мы двоих напивавшихся и неадекватных темных. А это было бы неприятно.

— Это была бы катастрофа, — поправил его Игорь тяжело. — Я видел, что может сделать сошедший с ума темный с целым городом, Майло. И даже что может сделать вполне остающийся в своем уме. Так что нам повезло, да. И все-таки зачем ему студенты? Не верю я

в альтруизм человека, который планировал переворот.

— Я тоже не склонен подозревать его в любви к ближнему, — проговорил Тандаджи. — Тем более он, по словам семикурсника, упоминал, что обязательно будет время, когда к темным в Рудлоге прекратят относиться с предубеждением. И потребности в подпитке не будет, и прятаться перестанет быть необходимым. Только для этого нужна сила, много силы. И еще мне интересно: как он вышел на Рудакова, если того даже духовники не видели? Думаю я проверить легальные семьи потомков Черного. Есть у меня мысль, что Соболевский не только семью задержанного на крючок взял. Возможно, у него были сообщники, и кто-то из темных, которых мы опросим, сможет их описать.

— Ну, положительный момент тут тоже есть, — сказал Игорь после недолгого размышления. — Можно утверждать, что других демонов в университете сейчас нет — иначе они все проявились бы в присутствии Рудакова. А по поводу целей — кто же делится ими с молодняком? Этого и следовало ожидать. С заграничными контактами Соболевского надо работать, Майло. Установить слежку, только осторожно.

Тидусс позволил себе едва заметно приподнять уголки губ, и Стрелковский усмехнулся, махнул рукой в знак извинения.

— Давно работаем, Игорь, — сухо пояснил Майло. — Но пока спокойно все. Так что очень рассчитываю на твою поездку к морской царице и к императору. А потом примешь и это направление.

После ухода коллеги полковник Стрелковский открыл папку с делами, но душа опять растревожилась воспоминаниями о прошлой жизни, и он, прежде чем начать работать, потянулся к телефону. Нужно было заказать цветы, чтобы сходить перед отъездом на могилу своей королевы.

Несколько дней назад, Йеллоувинь

Четери

Великолепный белый дракон медленно, не скрываясь от останавливающихся, показывающих в небо пальцами и фотографирующих людей, скользил над каналами и пагодами «императрицы садов», «рисовой красавицы» — Пьентана, столицы Йеллоувиня. Почти лениво вставал на крыло, огибая торчащие небоскребы, и казалось, что он красуется и нарочно дает себя разглядеть. Однако Чет за свою жизнь достаточно вкусил преклонения, чтобы не испытывать в нем потребности. А вот понятие красоты было ему близко и знакомо — он знал, что и оружие, и рисунок боя тем совершеннее, чем больше в нем соразмерности и гармонии. Пьентан же был самой гармонией, и его хотелось рассматривать бесконечно. Сверху столица напоминала полностью раскрытый круглый веер — расчерченная жилами каналов, переплетенная кружевом магистралей, она была изящна и геометрически выверена. Даже небоскребы не портили общий вид, поднимаясь в виде огромного сада камней над коричневыми и зелеными многоярусными крышами обычных домов. И казалось, что там, внизу, — лоскутное поле, просто трава, и камни-небоскребы совершенно обычной величины, а вот он, Четери, вдруг уменьшился до размеров бабочки, прилетевшей полюбоваться на рукотворную красоту. А еще здесь, даже на высоте, пахло не выхлопами от машин и фабрик, а цветущими садами. И покоем.

Императорский дворец дома Ши располагался в отдалении от столичной суеты. Отгороженный от любящих подданных не только стеной и садом, но и тремя нитками каналов, через которые резными петельками были переброшены тонкие крытые мостики, он раскидывал свои крылья среди нежного цветения и зелени, поднимался ввысь широкими пагодами с изогнутыми крышами, резными павильонами, плавучими беседками на зеркальной поверхности прудов и знаменитыми ступенчатыми садами — узкими террасами позади дворцового комплекса, что вздымались выше строений и цвели в разное время, оттеняя великолепие владений Ши. Человек, глядящий на дворец со стороны Пьентана, видел резиденцию императора словно на фоне гигантского цветочного полотна, ступенями уходящего к небу и подернутого легкой дымкой.

Четери сделал несколько кругов над садом, стараясь не закрывать своей тенью дворец императора — Ши всегда были несколько обидчивы, — и медленно спустился прямо в круглый пруд, украшенный плоскими зелеными листьями кувшинок и цветами лотосов. Он бы, конечно, предпочел не мокнуть, но что сделаешь, если тут, куда ни приземлишься, есть опасность потоптать какие-нибудь любимые императорские кусты. Или любимые цветы десятой внучки императора.

Когда Мастер подплыл к берегу, его уже ждали. Не выказывая ни малейшего удивления, проворные служанки дружно поклонились, окатили его тело прохладной травяной водой, вытерли тонкими полотенцами, набросили на плечи длинный белый шелковый халат с запахом, опоясали широким желтым поясом. Чет хмыкнул: белый — цвет драконов, желтый — цвет императорской семьи, знак особого расположения властителя Ши. Похоже, его прилет не стал неожиданностью. Впрочем, потомкам Желтого всегда было доступно видеть и знать больше, чем остальным. А может, прекрасная Иппоталия поделилась с коллегой информацией.

Дракона обихаживали, а несколько в отдалении, чтобы не смущать гостя, стоял важный царедворец, сложив руки в рукава халата. Он подождал, пока Чет напьется поднесенной ему воды, и подошел, кланяясь.

— Господин, — произнес он торжественно и тонко, — вчера вечером светлый император сказал, чтобы мы были готовы к вашему появлению. Мы готовы — позвольте проводить вас в малый дворец, который выделен специально для вашего отдыха. Там ждут полсотни прекрасных дев, великолепнейших цветов востока, обученных искусству танца сакио-ра, игре на флейте, умеющих услаждать слух беседой и радовать любовью. Вокруг дворца выстроена почетная охрана...

— Вы считаете, я не могу защитить себя? — весело поинтересовался Четери.

Царедворец немного побледнел.

— Господин, это ни в коем случае не намек на отсутствие у вас силы и отваги. Воины мечтают увидеть вас, и светлый император приказал поставить в охрану самых лучших, самых отличившихся, в качестве награды им. И для того, чтобы вы могли поточить ваши клинки, если угодно будет позабавиться, — добавил он почтительно.

Точно, Иппоталия нашептала императору. Откуда ему еще знать, что Чет не прочь «позабавиться»?

— Как зовут тебя? — спросил дракон, шагая вперед — царедворец показал направление тонкой рукой и засеменял рядом, держась чуть позади.

— Если господину угодно оказать честь и называть меня по имени...

— Угодно, — подтвердил Мастер клинков, забавляясь.

— Мое имя Винь Ло, господин. Вам приготовлен обед из семнадцати блюд...

— Вот что, Винь Ло, — проговорил воин-дракон, — давай так. На себя я беру обед, а тебе достанутся девы.

Собеседник споткнулся и рухнул на землю, вытянув перед собой руки.

— Не губите, господин, — попросил он с ужасом, — я женатый человек, мне не отмыться от позора будет...

— Встань, — уже с некоторым раздражением сказал Четери. Он не любил людей без чувства юмора. — Раз ты отказываешься, придется привлечь охрану.

— Я приму смерть с честью, — одухотворенно заявил Винь Ло, подняв к небу узкие глаза.

— К девам, дурень, — грубо оборвал размечтавшегося о досрочной отставке царедворца дракон. — Понимаешь, не до дев мне сейчас. Хотя помнится мне, помнится... да. Очень они у вас искусны. Эх... да и флейту я не люблю. А так и я сыт буду, и ваши восточные цветы не останутся необласканными.

Различия в менталитете Запада и Востока ощущались и сейчас. На Западе чем скорее тебя примет монарх, тем выше его расположение. Здесь же высочайшей благосклонностью считалось, если гостю дают время насладиться радушием и щедростью хозяев. Так что раньше, чем через три дня, ждать приема у императора не приходилось.

Четери развлекался как мог. А набор развлечений у древнего воина был довольно однообразен: сразу после обеда он вышел к «почетной охране» и предложил не печься на солнце, выстаивая вокруг малого дворца, а пройти в тени, на деревянную плавучую террасу, и там заняться благородной борьбой. Кто упал в воду — тот и проиграл.

Охранники были на удивление не мелкотравчатые, как большинство жителей Йеллоувиня, а довольно крепкие. Пока Четери купал «лучших из лучших» в пруду, по ходу раздавая советы и объясняя ошибки, вокруг водоема фланировали оставленные девы, прикрываясь шелковыми зонтиками и томно заглядываясь на оставшихся в одном белье борцов. Затем командир отряда почтительно предложил Чету бой на бамбуковых палках — некоторые из воинов оказались очень неплохи для людей, — а после вся компания соревновалась на скорость — кто быстрее переплывет пруд пятьдесят раз туда-сюда, и даже плеск воды от усердно работающих руками двух десятков здоровенных мужиков не мог заглушить вздохи черноволосых красавиц.

К вечеру дракон посмотрел на вымотанных им бойцов и как-то совершенно ясно понял, что девам ласки сегодня не перепадет. Будут воины спать как убитые.

— Завтра, — сказал он строго, — начнем биться настоящим оружием. А сейчас отдыхать.

— Может, вам в баню, господин? — предложил командир. Воины оживились. — В Малом дворце большая баня отуро и самые лучшие массажистки!

— Мало я вас гонял, — сказал Чет сурово, — раз вы еще о массажистках думать можете.

— Что вы! — ужаснулся йеллоувинец. — Мы бы не посмели мечтать разделить с вами отдых, мастер!

Думать не думали, но глаза бойцы опускали разочарованно.

— Ладно, — великодушно решил Четери. — Винь Ло!

Царедворец, весь день просидевший в своем халате на берегу, скованно направился к нему.

— Организуешь нам с ребятами баню?

— Они же простые солдаты, — прикрываясь рукавом халата, зашептал почтенный Ло, — по чину ли им такая честь?

— Эх ты, — беззлобно усмехнулся Четери и потрепал его по плечу. — Не знаешь, что простые солдаты ровно так же потеют и умирают, как и великие полководцы.

Баня отуро Малого дворца располагалась в отдельном огромном павильоне с тремя прозрачными стенками, многоярусной изогнутой крышей и видом на цветущие сады. Четвертую стену заменял падающий с крыши поток воды — чтобы никто не вошел в священное место, не раздевшись и не обмывшись — а над ним стелился по темной черепице длинный золотой тигр. Уже дымились деревянные ящики с разогретыми опилками, пропитанными ароматной водой и солью, и исходили парком высокие бочки, в которые красавицы-служанки носили раскаленные камни, и тонко играла музыка ветра в длинных бамбуковых трубочках, мелодично постукивающих друг о друга, и выставлены были напитки — сакэ и рисовое пиво, — и скамьи для массажа были готовы, как и обнаженные до пояса, крепкие массажистки, неуловимо похожие на стрелков Иппоталии.

«В Тафии такую же сделаю», — решил Четери, погрузившись в опилки по плечи и чувствуя, как струится по телу пот и легко становится организму. Солдаты, пришедшие в отуро, вели себя как в храме — не шутили друг над другом, разговаривали тихо, охали от горячей воды вполголоса, сакэ пили аккуратно и даже пока не очень усердно тискали служанок. Культурные.

«Свете точно понравится», — думал Мастер, сидя в бочке — служанка активно терла его жесткой щеткой, проминала плечи и спину руками, и ее ладные грудки мелькали перед глазами, не оставляя его равнодушным. Она шагнула было в воду, чтобы вымыть живот и ноги высокого гостя, но Чет качнул головой, и служанка огорченно поклонилась, ушла. Красивая, конечно, но мало ли у него было таких.

«И массажистку сманю», — удовлетворенно заключил дракон, отдаваясь уверенным и крепким рукам, совершенно не щадившим его и словно перебравшим тело по косточке. Перевернулся на спину — женщина мяла ему ноги, чуть ли не вокруг оси их заворачивая, а он покряхтывал и чувствовал себя совершенно счастливым. По сравнению с тонкими «цветами востока» она была слишком широка и проста — ее фигура скорее подходила крестьянке с юга Рудлога с его дородными и высокими женщинами, чем дочери Йеллоувиня. Настоящая богатырша.

Массажистка заметила его внимательный взгляд, покраснела и опустила глаза.

— Вам нравятся крупные женщины? — спросил Чета бесстыдный и наблюдательный Винь Ло, присутствующий тут же. — Нам отправить ее к вам на ночь?

— Что же ты озабоченный такой, — благодушно пожурил его Четери и увидел, как напрягшаяся массажистка едва заметно выдохнула. — Мысли только об одном. Ты вот что, иди, Винь Ло, жена уже заждалась, наверное.

Над Пьентаном давно уже царилась ночь, и тонкий месяц уже с час как начал шествие по небосводу.

— Я не могу оставить вас, господин, — высокомерно сказал царедворец, с унынием оглядывая разохотившихся после сакэ и массажа солдат. Впрочем, откровенный блуд еще не начался, а служанки даже попискивали как-то благозвучно, не нарушая общую гармонию места. — Моя задача — быть с вами до того, как вы опустите голову на подушку. И встречать,

когда проснетесь.

— Это что же, ты три дня за мной следить будешь? — сумрачно поинтересовался дракон, но тут же расплылся в блаженной улыбке — массажистка стала постукивать по пяткам тонкими тяжелыми палочками, разгоняя кровь. Винь Ло вздохнул.

— Это честь для меня, господин.

— Да, да, — пробормотал Четери, теряя интерес. — А скажи-ка мне, милая дева, — обратился он к служанке, — ты замужем?

— Кто ж меня возьмет, — после некоторой паузы проворчала женщина и покосилась на соседние лавки — там всюю происходило налаживание контактов между бойцами и прислугой. — Я же вчетверо шире любой из них.

Гомон в бане стал сильнее — действовали и пар, и рисовая водка, — и Чет уловил что-то краем глаза, повернул голову, нахмурился: один из солдат тянул к себе девушку, та вроде и не сопротивлялась, но лицо ее было обреченным.

— Эй, — рявкнул он бойцам, — без принуждения! Согласие спрашивать, не хотят — не заставляй! Узнаю — горло перережу!

— Да, мастер, — слаженно ответили «лучшие из лучших», и в отуро снова стало благолепно и тихо — только парок подрагивал, вытекая в сады. Несколько девушек покосились на дракона с благодарностью и выскользнули из павильона.

— Глупые они, — дракон вновь обратился к собеседнице, которая уже катала по его животу «скалку» с деревянными острыми ребрами. — Полетишь со мной в Пески? Там и замуж выдадим тебя, и без работы не останешься.

— Сам, что ли, хочешь? — насмешливо буркнула богатырша, особо изощренно вдавливая «скалку» в каменный пресс дракона. Он застонал — не от боли, от удовольствия.

— Я бы с радостью, — сказал Чет, когда снова обрел способность говорить, — но я буду перед тобой робеть. Поругаемся — ты ж меня в петлю скрутишь. Да и есть у меня невеста. А такое сокровище, как ты, у нас без мужчины точно не останется.

Женщина покраснелась и замолчала. Долго молчала.

— Если на трезвую голову вспомнишь, — проговорила она в конце, когда уже растирала его солью с маслом, — то полечу. Меня зовут Люй Кан, добрый господин. И обрати внимание на спину, перетруженная она у тебя. Чуть наклонишься не так — потянешь жилы.

— Ну я же говорю, сокровище, — удовлетворенно произнес дракон. — Вспомню, госпожа Кан. Не так уж много я и выпил.

Следующие два дня Чет муштровал охрану и даже выделил одного из солдат — был в нем потенциал, определенно талант. И глаза в бою горели вдохновением, и двигался он легче остальных, и ритм чувствовал, хоть и был потоньше соратников, поизящнее. А на четвертый день с утра Четери пригласили на встречу с императором.

Дракон вытерпел очередное обмывание и одевание, но на девушку, собирающуюся намазать его волосы ароматическим маслом, поглядел сумрачно. Служанка оказалась понятливой. И косу он заплел сам, хотя нет ничего приятнее, чем когда тебя расчесывают ласковые женские руки.

Просто это должны быть Светины руки. Мыть и мять тело — да кто угодно, но волосы... Она как-то так расслабленно перебирала их пальцами после его буйной любви, гладила своего дракона по голове и что-то шептала глупое и нежное, что он чувствовал себя неприлично счастливым и тихим и насмешничать не хотелось.

Удивительно, но давешнее обилие обнаженного женского тела не взволновало его так, как воспоминание об этих сонных, тягучих моментах, в которые не он был главным, и этой тишине, когда душа размягчается, растекается и не кажется это слабостью.

«Скоро», — пообещал Четери то ли себе, то ли оставленной в водах Белого моря девушке. И пошел в Большой дворец, сопровождаемый почетной охраной в парадной форме и особо величественным Винь Ло, который задирает нос до неба и высокомерно щурился глазами.

Встречали Чета довольно скромно, по йеллоувиньским меркам, конечно: всего-то на ступенях высокой лестницы, по которой он поднимался, по обеим сторонам выстроились солдаты, держащие на длинных, упирающихся в камень древках трепещущие на ветру тонкие флаги — белые, синие и желтые, да барабанщики за их спинами гулко, размашисто били в такт его шагам, и огромная дверь, когда он подошел к ней, вдруг рассыпалась тысячами лепестков, устремившихся цветным водопадом вниз по лестнице, — Чет даже не дрогнул, хоть и было это неожиданно. Только посочувствовал придворным затейникам — это ж им для каждого высокого гостя нужно что-то особое изобретать.

За иллюзорной дверью оказалась дверь настоящая, такая же высокая, в пять его ростов, охраняемая с двух сторон каменными тиграми. И как только она скрипнула, начав открываться, замолкли барабаны и даже ветер, кажется, стих. И Чет, подождав, пока запахнется она полностью, шагнул в Зал Светлейшего Равновесия, созданный специально для встреч высоких гостей.

Правители дома Ши любили пышность в церемониях, но в обстановке стремились к минимализму. Никакой тяжеловесности каменных сводов, никакой лепки и позолоты. Все выдержано в природных цветах — коричневом, белом, черном. Все симметрично: шестиугольный зал с множеством узких окон и колоннами, поддерживающими крышу, аккуратные деревца в кадках у окон, ниши в стенах с плоскими свечами, неизменные трубки музыки ветра по всему помещению, словно бахромы. Пол, расчерченный канавками на четырехугольники, как большая шахматная доска, — там по затейливым руслам бежала вода. Ширмы, поставленные у стен. Все шесть Стихий здесь в изначальной равновесии. И трон, на котором спокойно ждал гость император.

Для кого-то зал был необычен и красив, но Четери сразу решил, что здесь здорово все решено для обороны. Музыка ветра предупреждает перестуком, если кто-то проходит мимо, деревья у окон защищают от стрел, да и канавки с водой, через которые надо ступать осторожно, чтобы не сломать ноги, явно замедлили бы продвижение убийц.

Охрана пошла за драконом, и Чет усмехнулся: его ли они должны были охранять?

— Здравствуй, светлый император великой страны, — произнес он, остановившись от трона в положенных тридцати шагах. — Спасибо, что принял меня.

Дракон поклонился — без раболепия, но с уважением. Хань Ши разглядывал его с тонкой улыбкой, руки его лежали на коленях. И Чет ощущал, что не только император смотрит на него — со всех сторон целились невидимые стрелки, да и под ногами определенно была пустота.

— Я не причиню тебе вреда, клянусь, — сказал Четери ровно, — вели уйти своим людям. Я пришел не обсуждать с тобой государственные вопросы, у меня дело простое. Я бы не осмелился просить тебя и тревожить твой покой, если бы мог справиться иначе.

Внутри головы словно перышками погладили — и тут же отпрянули. Император благосклонно улыбнулся, скосил глаза куда-то вправо — и за стенами затопали, уходя, стрелки.

— Вижу, слава твоя в наших летописях не преувеличена, Четери Нойрентин, —

мелодично заговорил властитель Йеллоувиня. — Как узнал? Неужели правдиво написанное предками и ты способен видеть сквозь стены?

— Много людей всегда звучат иначе, чем один, великий император, — охотно объяснил Чет. Его голос гулко поднимался к сводам Зала Равновесия. — Их сердца бьются, легкие работают, по венам бежит кровь, они дышат, под их ногами скрипят полы или хрустит земля, даже если они очень легки и осторожны. Это слышно. Слух тренируется так же, как мышцы, а если всю жизнь держишь в руках оружие, то прекрасно ощущаешь, направлено оно на тебя или нет.

— Хорошо, — с любопытством кивнул император, складывая руки под подбородком — локтями он опирался о рукоятки кресла. — Все ли по нраву тебе пришлось, воин, в моих владениях?

— Твое гостеприимство не знает границ, — терпеливо ответил Четери. — Для меня огромная честь быть принятым так и одаренным твоим вниманием.

Это был тот дипломатический максимум, на который Мастер клинков был способен. Да и стоять без движения он не любил.

— Хорошо, — задумчиво повторил император. — Я выполню твою просьбу, какой бы она ни была, воин, но и тебе придется выполнить несколько моих.

— Слушаю, — Чет снова ощутил, как в голове будто пером гладят, и едва заметно нахмурился. Хань Ши усмехнулся.

— Первое — отнесешь к нынешнему Владыке Песков, Нории Валлерудиану, моих доверенных людей, чтобы они отдали собрату моему почести и договорились о контактах между нашими странами.

Четери кивнул.

— Сделаю, светлый император.

— Второе. Возьмешь в жены мою внучку, принцессу Тинг Ши, дракон. Она будет хорошей и покорной женой, а сестру ее я предложу твоему повелителю, Валлерудиану. Так породнимся.

— Не гневайся, светлый император, — ровно ответил Четери, — но у меня уже есть невеста.

— Так и что? — удивился Ши. — Возьмешь ее второй женой или наложницей. Я тебе дарю драгоценность дома Ши, воин, от чьей красоты даже мое сердце смягчается.

— Нет, — коротко отрезал Чет и замолчал, исподлобья разглядывая хозяина дворца. Не пришлось бы обратно пробиваться с боем за оскорбление императора. Тот недовольно качнул головой — и слаженно, в такт напряглась позади охрана.

— Ну а третье, — проговорил император певуче, словно не было сейчас отказа, — примешь моего внука в ученики. Для члена семьи Ши будет честью обучаться у тебя, воин.

— Прости меня, светлый император, — прямо сказал Четери, — да, видимо, самому мне придется решать свою проблему. Я не беру учеников по знатности крови и рекомендациям — только по таланту. Если у человека плохой слух, его не научишь хорошо петь, если он не чувствует мелодию боя, его не обучишь битве, а тратить свое время просто из-за данного тебе слова я не могу. Ученики — это слава учителя и его ответственность, плохой ученик — плохой учитель. Много лет подчинения и смирения — это ли нужно потомку великого Дома? Да и трудно у меня в обучении, великий император, я учу жестко, слабости не терплю, изнеженность презираю. Поэтому выбираю всегда сам.

Император слушал его все с той же раздражающей улыбкой.

— Достойный принцип, — сказал он мягко, — что же, выбирай.

И кивнул Чет у за спину, туда, где стояли два десятка «лучших из лучших». Дракон оглянулся, снова осмотрел своих охранников — солдаты глядели с надеждой. Но на одной надежде мастером не станешь.

— Вот он, — кивнул дракон на изящного воина, который порадовал его чутьем и ритмикой, хоть до настоящего бойца ему было еще далеко, как младенцу до мужчины. Солдаты подозрительно заулыбались, а сам император вдруг засмеялся тихо:

— Выйди, Вей Ши. Поклонись учителю.

Чет поцокал языком и снова оглядел новоявленного ученика. У него еще и города-то своего нет, а он уже стремительно обрастает учениками, женами и домочадцами. Повернулся к старому хитрецу.

— Твой внук?

— Мой, — согласился император, щурясь, как сытый филин. — Ему как раз нужно научиться смирению. Настоящее величие без него — ничто.

— И не жалко же отдавать, — пробурчал Четери, чувствуя, что его обвели вокруг пальца. И ведь специально же задал вопрос про жену, зная, что откажется и на следующую просьбу ответит согласием.

— Не жалко, — сказал Хань Ши, с любовью глядя на внука. Чет оглянулся — молодой человек стоял с каменным лицом, и сейчас стали заметны и схожесть с императором, и горделивость, и тонкие запястья, совсем не как у простолюдинов. — Не жалко, — повторил старик. — Мой сын будет править еще много лет до того, как Вей взойдет на трон. К тому времени ты вколотишь в него и смирение, и мудрость. А еще наша семья обретет умение боя, которое будет передаваться от отца к сыну, а это драгоценнее всех подарков.

— Жену не возьму, — быстро сказал Чет, опасаясь, что оглянуться не успеет, а ему так же хитро еще и женщину впарят.

— Зря, — совершенно спокойно ответил император. — Ученики делают славу учителю, а жена — мужу. Тинг Ши, пройди в сад.

Из-за тонкой ширмы вышла, нет, выплыла тонкая, как ивушка, девушка в шелковом халате, с аккуратной прической, сливочной кожей и прямой спиной, и, не глядя на дракона, прошла мимо него к одной из дверей. Только мелькнули тонкие руки, и лукавые глаза, и изящные ступни в легких сандалиях, и изгиб совершенной шеи и плеч, и двигалась она как танцевала, идеально, гармонично. Мужчины затаили дыхание — настолько тихо стало, что слышна была мягкая поступь внучки императора.

— Ну, — сказал Чет жизнерадостно, когда обрел способность говорить, — такая красавица без мужа точно не останется. Ты не сердись на меня, светлый император, но куда мне эдакую статуэточку? — и он показал свои крепкие, крупные руки. — Я ж до нее дотронуться буду бояться. Это только издали любоваться, а мне женщина под боком нужна, да такая, что не рассыплется ночью. А вот массажистку, Люй Кан, я у тебя заберу, если позволишь.

— Позволю, — ответил император легко. — Что за просьба у тебя, дракон?

— Твои шаманы, — сказал Чет, — славятся тем, что могут и мертвых с того света вернуть.

— Мертвых — нет, — ровно ответил Хань Ши, — только тех, чей срок не пришел еще уходить, и тело не износилось и пригодно для дальнейшей жизни, и дух не ушел далеко.

— Моя женщина спит, а душа ее плавает в Песках, в озере, — кратко объяснил Чет. —

Мне надо, чтобы она проснулась. И поскорее.

— Любопытно, — задумчиво проговорил император, и Чет понял, что об этом царица, видимо, не рассказала. — Придется тебе еще подождать, дракон, до завтрашнего утра. Винь Ло проследит, чтобы завтра на рассвете шаманы ждали тебя у входа во дворец. И там же будет ждать маг-телепортист, он доставит вас в Рудлог.

— Благодарю, светлейший, — искренне поблагодарил Четери и поклонился — куда ниже и почтительнее, чем в первый раз.

— Ты доставил мне удовольствие, — мелодично ответил император. — Нечасто встретишь такой честный и упорядоченный принципами рассудок. Зло никогда не сможет соблазнить тебя, ты не скрываешь подлости и четко знаешь, где правда. Я буду рад, если ты научишь этому моего внука. Современная молодежь, — он вдруг вздохнул и стал похож на совершенно обычного дедушку, откуда бы этот дедушка ни был — из Песков, Рудлога или Тидусса, — живет в эпоху искушений, а древность рода и богатство слишком балуют их. Они не понимают, что имя и богатство — это прежде всего ответственность, и народ мы должны защищать, а не использовать. Три года назад, — продолжил император, — Вей Ши совершил недостойный поступок. У него были лучшие учителя, но они не научили его доброте и ответственности. Поэтому он был отправлен в армию простым солдатом. И службой своей добился возвращения ко дворцу.

Чет снова оглянулся, не зная, как относиться к неожиданной откровенности, — молодой воин стоял позади, и на скулах его цвели красные пятна, остальные же солдаты слушали спокойно, словно знали эту историю.

— Но гордыни в нем еще очень много, — спокойно закончил Хань Ши. — Поэтому теперь ты его господин. На все время обучения. Слышал, Вей Ши? Воин Четери Нойрентин тебе теперь отец, господин и учитель. И если он будет недоволен тобой — не возвращайся. Ну? Говори!

— Он будет доволен, светлый император, — упрямо ответил молодой солдат. Император усмехнулся и посмотрел на Чета, Чет — на него. И в этот момент мужчины друг друга поняли.

— Только мне пока некуда его привести, — предупредил дракон. — Я приду за ним, когда решу свои проблемы.

— Да, — утомленно согласился старик. — Отдыхай, воин. Завтра с утра, надеюсь, все решится.

Понедельник, 28 ноября, Иоаннесбург

Четери

Незадолго до полудня в Королевском лазарете Иоаннесбурга опять произошло вопиющее нарушение распорядка — впрочем, персонал уже настолько привык к разным эксцессам, что явление четырех одетых в пестрые лохмотья и вооруженных бубнами йеллоувиныхцев, возглавляемых знакомым уже драконом, вызвало негодование только у дежурной сестры, попытавшейся заставить гостей надеть бахилы и халаты.

— Я надену, — мирно сказал Четери, — а им нельзя, это у них такая рабочая одежда. И в палату к Светлане пока пусть не заходит никто.

Шаманы вообще на женщину внимания не обратили. Впрочем, скорее всего, они ее не понимали.

— Василий Георгиевич, — вскричала медсестра, обращаясь к мужчине, который тихо пытался проскочить по коридору, — да что же это такое? В палату к больной!

— Они помогут ей проснуться, женщина, — терпеливо объяснил Чет. Видимо, обитание во дворцах Желтого Ученого и его зарядило терпеливостью.

Лечащий врач Светланы остановился, посмотрел на живописную компанию и потерял дужку очков.

— Пусть идут, Лариса, — разрешил он. — Если ни медицина, ни витализм не могут ей помочь, то почему бы не попробовать шаманов?

Медсестра сердито вздохнула и поглядела вслед невозмутимо шествующим в сторону палаты мужчинам. Через некоторое время красноволосый вернулся и потребовал отсоединить пациентку от трубок. Объяснить этому дикарю, что катетеры и капельницы необходимы, не получилось, поэтому снова пришлось звать врача и решать вопрос. Наконец за победившим драконом хлопнула дверь. Сестра прислушалась — некоторое время раздавались тихие тонкие голоса, затем вибрирующе запели бубны, выбивая ускоряющийся ритм, и ее вдруг повело, затошнило. Женщина схватилась за голову, закрыла уши, чтобы не слышать. Из-под двери потянуло сладковатым дымком, и голоса стали громче.

Четери, чтобы никому не мешать, сел на пол, в угол, только смотрел и слушал. Ключ в его волосах становился все холоднее и тяжелее, покалывал плечо, и дракон взял его в руку. Перед глазами его под пение колдунов и ритмичные удары, под их подскоки и раскачивания вдруг заплясали всеми оттенками Стихии, то сжимаясь, то распускаясь причудливыми цветами, заворачиваясь в спирали, уплотняясь над Светланой и окутывая ее пестрым мельтешащим куполом. Девушка вздрогнула — дракон едва сдержался, чтобы не кинуться к ней и не прервать ритуал, — и поднялась в воздух. Руки ее свисали вниз, касались койки, голова запрокинулась, и рот приоткрылся.

Вибрация стала невыносимой, пение — оглушающим, как и буйство стихийной пляски, и зажженные травы пахли так резко, что глаза заболели, заслезились, тело отказывалось слушаться, будто Четери сам впал в транс, — но он все-таки увидел, как сияние над его

женщиной закручивается в мощную воронку, как уходит эта воронка высоко — куда выше, чем потолок, — и как звенит этот стихийный водоворот, расширяется — и в нем, развернувшись чуть ли не на всю палату, в рот Светланы втягивается голубоватый дымок.

Шаманы хором выкрикнули что-то на птичьем языке и повалились на пол. И тут же тяжело упала обратно на койку его женщина, а воронка истаяла, и зрение снова вернулось в норму.

В палате, провонявшей дымом и потом, царила тишина. И в тишине этой очень отчетливо прозвучал кашель Светы. Чет шагнул к ней, склонился над койкой и обнял крепко, так крепко, что она застонала и засмеялась одновременно.

— Четери, — проговорила она, когда дракон наконец-то разжал руки. Неверяще прозвучал ее голос, слабо, и Мастер почувствовал укол вины. Но Светлана робко улыбнулась, коснулась его волос, погладила — Чет прикрыл глаза, — дотронулась до свисающего ключа. — Ключ... Я просто должна была отдать тебе его.

— Ты мой Ключ, Света, — сказал он с грубоватой нежностью. — Ты.

Она полежала еще немного, осторожно глядя его по лицу, по плечам — дракон тянулся за лаской, как маленький, даже глаза прикрывал, и ей это было удивительно и радостно. Руки ее слушались неохотно, словно тело привыкало заново двигаться, и голова кружилась. И последний сон казался ей очень долгим и совсем уж невероятным — даже если учесть, что перед этим она долго во снах скиталась по городу, который и не видела-то вживую никогда. Ее беспокоило и еще кое-что (помимо того, как она выглядит и что нужно почистить зубы), и Света набралась-таки смелости признаться.

— Я беременна, Чет.

— Хорошо, — отозвался он весело. По-хозяйски провел рукой по ее груди, животу, залез широкой ладонью под больничную рубашку. Закрыл глаза и прислушался.

— От тебя, — зачем-то уточнила она с настороженностью.

— А от кого еще? — искренне удивился дракон с такой непрошибаемой самоуверенностью, что она даже не нашлась, что ответить. Четери еще послушал — под его пальцами покалывало, холодило. — Мужчина будет, — сказал он довольным тоном. — Сын.

Внизу, вне ее поля зрения, что-то завожилось, закряхтело — и Света круглыми глазами смотрела, как поднимается с пола узкоглазый человек с разрисованным лицом, одетый весь в какие-то цветные ленточки и обрывки шкур. Чет оглянулся, отошел помочь, что-то коротко сказал по-йеллоувиньски, человек мотнул головой. Дракон рассадил остающихся без сознания мужчин по стульям, открыл окно, а очнувшийся раньше всех знаками спросил у Светы, можно ли взять пустой стакан со столика — она кивнула, — набрал в него воды в ванной, отхлебнул и прыснул в лицо одному из товарищей. Тот дернулся и открыл глаза. Процедура повторилась и со следующими.

— Шаманы? — тихо спросила Света, решив ничему уже не удивляться.

— Ты как-то так умудрилась попасть, женщина, что ни виталисты, ни менталисты тебе помочь не могли, — проворчал Чет. — Пришлось лететь на поклон к Хань Ши. А меня там чуть не женили, между прочим, еле отбил. Так что сейчас я провожу почтенных колдунов обратно, слетаю за выкупом, и пойдём к твоим родителям за благословением.

— За каким благословением? — непонимающе спросила девушка. Для нее всего оказалось слишком много.

— В жены я тебя беру, — сообщил дракон.

— А, — сказала Света и замолчала. И правда, что тут было непонятного? Поэтому она

просто наблюдала, как подходит к ней один из шаманов, мазюкает пальцем в какой-то склянке, подвешенной на поясе, и чем-то жирным и черным рисует ей по лицу, тонко приговаривая при этом.

Чет снова что-то спросил, второй шаман ответил тихо и почтительно.

— Это он в тебе душу закрепляет, — объяснил дракон и ухмыльнулся. — Говорит, одной в ближайшие дни спать нельзя. Ну, это я обеспечу.

Шаман вязал на ее запястьях и щиколотках какие-то плетеные кожаные шнурочки, снова рисовал знаки — теперь на тыльной стороне ладоней и на ступнях. Что-то крикнул вдруг — Света аж вздрогнула, — посмотрел с гордостью и засмеялся.

— Говорит, и от испуга теперь душа не выпрыгнет.

Шаман безо всякого стеснения мямлил ей живот, затем посыпал на кожу под пупок какой-то красный порошок, втер, намочил палец в своей слюне и снова что-то нарисовал. Четери наблюдал за этим невозмутимо, в отличие от самой Светы — ей было неловко и щекотно. Колдун наклонился к самому животу и что-то просвистел, пощелкал, прислушался и закивал с важным видом. Обернулся к дракону, хлопнул того по руке, словно поздравлял, и вновь залопотал, долго, отрывисто. Его товарищи внимали с уважением, да и дракон слушал почтительно.

— А сейчас что говорит? — поинтересовалась Света.

Чет засмеялся.

— Что я настоящий мужчина, раз с первого раза семя закрепилось. И что будет сын могучим богатырем, если стану поить его кровью и молоком кобылиц и жену держать в строгости, не давая баловать. И что тебя надо хорошо кормить. И что, — он поднял брови, — теперь вода тебя любит.

Света передернула плечами.

— Зато я ее не очень. Скажи им спасибо, Четери. От меня.

— Скажу, — ответил дракон. — И награжу. Даже не сомневайся.

Она глядела, как шаманы гуськом выходят из палаты, как закрывается дверь за Четом, и только после этого ошеломленно потрясла головой. Села — голова кружилась, но уже куда меньше, — и медленно, осторожно побрела в сторону санузла. Умываться и приводить себя в порядок.

Снова открылась дверь — в ванную заглянул врач, и Света покосилась на него, усиленно начищая зубы.

— А я-то и не поверил, — сказал доктор потерянно и снял очки. — Ну надо же. С возвращением, Никольская. Быстро обратно в койку. Сейчас буду осмотр проводить.

— Доктор, — проговорила она невнятно, — я лягу, обязательно. Но меня только что позвали замуж. Поэтому пока не помоюсь и расчешусь, отсюда не двинусь.

— Поздравляю, — вздохнул врач понятливо, пытаясь изобразить воодушевление. — Сейчас пришлю сестру вам на помощь, чтобы не упали здесь. А потом осмотр! И обед.

Есть хотелось очень.

— А можно сначала обед? — спросила она жалобно. — И с родителями связаться.

— Можно, — покладисто кивнул врач и снова вздохнул. — А родителям вашим я сейчас сам сообщу.

Сестра помогла ей раздеться, встала у душа, и Света с некоторой опаской включила воду. Она помнила тонкие светящиеся струи, такие красивые, которые прошили ее, будто гарпуны, — Светлана увидела это, но ничего не почувствовала. Только вот уйти из воды

больше не смогла. Помнила она и то, как почуяла в озере кого-то еще — этот кто-то быстро рос, присматривался к ней, но не нападал. Помнила и как появлялся Чет — сначала один, потом с очень красивой женщиной, царицей Иппоталией, которую Света видела по телевизору, и как обитатель озера чуть не утопил их обоих. Помнила свою тоску, когда ее дракон улетел.

— Я сам присмотрю, — гулко раздался в ванной голос Чета. — Иди.

Сестра даже не попыталась возмутиться — ушла сразу. Четери приоткрыл дверцу душевой кабинки и стал беззастенчиво разглядывать моющуюся женщину. Ей приятен был этот жадный, совершенно собственнический взгляд.

— Похудела, — отметил он недовольно, — правда надо тебя кормить. А грудь, наоборот, больше стала. Красивая ты, Светик, — неожиданно сказал он. — Как себя чувствуешь? Долго ведь спала.

— Хорошо, — сказала она легко. — Теперь очень хорошо.

Он сам вытер ее после душа, балуясь и целуя плечи, грудь, щекоча под ребрами, одел, отнес на койку, лег рядом, хотя места было мало, обхватил и закрыл глаза. И даже не пошевелился, когда принесли обед. Лежал, и дышал ей в макушку, и стискивал все крепче. Светлана тоже не шевелилась. Слушала его сердце — и вспоминала, как проснулась с ним в первый раз и как тогда под щекой так же размеренно и мощно бухало. И никуда ведь и не ушло появившееся тогда ощущение, что она попала в сказку. Вот она, ее сказка, лежит рядом. Большой, сильный, невыносимо любимый. И странно тихий.

Только когда ушла сестра, Чет словно очнулся, потянулся к Светлане и наконец-то поцеловал ее так, как умел только он, — настойчиво, глубоко, долго, напоминая, что и дышать без него совершенно невозможно, и жить тоже.

— Я ведь соскучился, — пробормотал он Свете в губы, снова поцеловал и сжал ей попку своими жесткими руками. — Как же я соскучился, Светка.

— Ты меня сам бросил, Чет, — напомнила она, прижимаясь крепче.

— Дурак был, — согласился он невесело.

— Дурак, — подтвердила она снисходительно. И улыбнулась. Ей было так хорошо, что ругаться не хотелось.

Потом Света жадно ела и рассказывала все, начиная от первого сна с Богиней, а Чет коротко поведал о своих поисках. И встал, когда зашел врач.

— Я буду поздним вечером, — проговорил дракон. — Жди.

— Я к родителям хочу, — произнесла она жалобно. — Доктор, меня выпишут?

— К родителям я и прилечу, — сказал Чет.

— Видимо, выпишут, — проворчал врач. Но ворчал он только для порядка: выписка трудного пациента — праздник в отделении. А этих трудных пациентов у них за последнее время было с избытком.

Спустя несколько часов Чет уже несся над Песками, забравшись очень высоко. Тонкие перьевые облака под ним пробегали, как рябь гигантского воздушного моря, и солнце щедро поило теплом и силой.

Облако внизу вдруг дрогнуло, поменяло очертания, став похожим на большую белую птицу с женским лицом, и птица эта тряхнула крыльями-руками, потянулась к дракону, и он с ощущением какого-то щенячьего счастья нырнул в ласковые объятия Матери-Воды.

«Я не поблагодарил тебя. Вы похожи с ней, да?»

«Любящая женщина всегда немного мать, мальчик мой».

Тонкие перья-струи, напоенные солнечным сиянием, щекотали его живот и спину, и Четери полетел еще стремительнее, покрутился вокруг оси несколько раз, курлыкая и балуясь, как в далекой юности.

«Зачем все это, мама? Почему просто было не отдать Ключ мне?»

Облако вздохнуло и отпрянуло, встало перед ним стеной — печальное, призрачное женское лицо на ослепительной небесной лазури, волосы, разметавшиеся на тысячи километров.

«Чтобы я могла подольше побыть в силе, малыш. Я и так слишком близко к черте. И один раз уже не уследила».

Он вспомнил про тысячи соплеменников, оставшихся в камне, и замедлился, замер перед прекрасным небесным ликом, размеренно махая крыльями.

«Есть ли надежда, что их еще можно спасти, мама?»

Огромная облачная рука приблизилась к нему — он был с мизинец, наверное, от этой руки, а то и меньше, — и аккуратно погладила-почесала его пальцем по брюшку.

«В любом случае делай, что должен, возлюбленный сын мой. Лети».

Божественный лик истаявал, опадая вниз, к обычному облачному уровню, рваными ключьями, а Чет уже поднимался выше — и снова набирал скорость.

Недалеко от своего дома он снизился — уже ощущался влажный запах воды и сочных трав, — полетел над самой землей, присматриваясь. Силы были на исходе, и Чет, увидев бросившихся от него косуль, рыкнул, захлопал крыльями и устремился вперед, хватая одно из животных и сразу перемалывая ему позвоночник. В пасть брызнула свежая кровь, и тушу он заглотил одним куском и сразу рванулся за другими.

В такие моменты человек в нем уходил куда-то в глубины сознания, оставались лишь голод и инстинкты.

К дому Четери подлетал уже сытым, и отяжелевшим, и совершенно бодрым. Да, все-таки живая кровь — сосредоточие виты, истинная сила. И у людей так же.

Он вспомнил, от чьей крови зависит жизнь Песков, и зафыркал раздраженно, приземлился и тут же сунул морду в озеро — смыть липкое и напиться. От пасти шли маслянистые круги, подрагивающие и растворяющиеся в прозрачной и холодной воде.

Через несколько минут Мастер уже открывал дверь дома. У стен снаружи лежали дары жителей его деревни — одежда, мягкая обувь, да и внутри было прибрано: и на окна повесили расшитые занавески, и на новом столе, пахнущем свежесрубленным деревом, стояли сочные фрукты, запеченное мясо, залитое жиром — чтобы дольше не испортилось. То ли жители каждое утро меняли ему здесь еду, то ли так совпало и только что принесли.

Есть не хотелось, но он все-таки взял сочную грушу, вгрызся — настоящий мед. И решил, что фрукты тоже отнесет Свете. Пусть поест.

Поигрывая грушей, дракон прошел в угол дома, наклонился, подцепил старую доску пола — и откинул крышку в подпол. Спрыгнул туда, осмотрелся. Ему хватало света, что падал из комнаты, и Мастер медленно прошел вдоль стены, здороваясь со своим оружием — сколько он собирал его, как любил. Сталь клинков, боевых топоров, узких копий и тонких кинжалов тускло мерцала в ответ, поблескивали драгоценные камни в навершиях рукоятей. И простых среди них не было — простые бы не пережили несколько столетий без ухода, даже при том, что здесь было сухо и жарко и влаги неоткуда было взяться.

Дракон повернул к стене напротив, где стояли сундуки с его золотом. Порылся в украшениях, довольно присвистывая — вот этот тонкий пояс будет прекрасно смотреться на его женщине. Особенно когда она будет голышом. И эти браслеты тоже. И тяжелое плетеное ожерелье.

Подарить хотелось все, и он не колеблясь начал таскать старые сундуки наверх, надеясь, что они не треснут и выкуп не рассыплется. Оставлял только с необработанными самородками и со старыми монетами как не отличающимися красотой.

Вот копил, копил — и пригодилось же!

После Чет слетал в поселение за озером, похвалил своих людей за то, что присматривали за домом, и приказал найти крепкие мешки и помочь ему. Тут же вызвались мужчины, и дракон, чтобы не терять время, перенес их на себе через озеро. Спрыгивали они с его спины с выражением благоговейного ужаса на лицах.

А потом его добровольные помощники быстро сгребли золото в два больших мешка, восхищенно цокая языками, — но никто даже подумать не мог, чтобы взять что-то себе, — скрепили их между собой и привязали к шипу драконьего гребня. Туда же пошел мешок с фруктами и одежда. И хозяин земель, заклекотав сердито, чтобы люди разбежались, махнул крыльями и поднялся в небо.

* * *

Полковник Тандаджи выслушал известие о том, что Никольскую разбудили и что ее уже забрали родители, с облегчением. Браслет с ноги заложницы сняли еще в лазарете, но следить за ней, естественно, не перестали. Не то чтобы его мучила совесть — точно нет, — но ее пребывание в бессознательном состоянии было опасно: вдруг дракон таки решит, что это они во всем виноваты? И тогда прощай усилия дипломатов, да и королева довольна не будет.

Принял полковник к сведению и переданные ему слова о том, что пациентка собралась замуж.

— Поветрие какое-то, — буркнул Тандаджи ничего не понявшему врачу, поблагодарил и повесил трубку. И тут же стал набирать номер начальника городской полиции. Тидусс уже успел разобраться в драконьих повадках и настойчиво порекомендовал коллеге на всякий случай перекрыть автомобильное движение на улице, где стоял дом драконьей невесты.

* * *

— Жених-то пропал, — смешливо сказал Светланин отец, выглядывая в окно. Там уже было темно и как-то странно пустынно; в конце улицы, правда, мелькали огни патрульных машин. Авария, что ли?

— Может, оно и к лучшему? — с сомнением спросила мама. Посмотрела на счастливую дочку, разомлевшую от домашней еды, и вздохнула, взглянула на часы. Почти полночь. Стол ломился от кушаний — муж расстарался, он всегда много готовил, когда нервничал, а тут еще и гость ожидался. А Тамара Алексеевна была так счастлива, что дочка проснулась, что даже не решалась высказывать свои сомнения по поводу замужества с драконом.

Но материнское сердце было задето. Какой-то залетный мужик поиграл с ее девочкой, оставил беременной, да еще и с проблемами со службой безопасности. А теперь вернулся как ни в чем не бывало — да, помог разбудить, ну так что, теперь отдавать единственного ребенка куда-то в пустыню?

— Мам, — произнесла Светлана просяще, — вы идите спать. Я не хочу, я, наверное, на всю жизнь выспалась. А вам чего ждать?

— А если не прилетит? — заволновалась мама. — Так и будешь всю ночь в окно выглядывать?

— Прилетит, — уверенно заявила Света. — Обязательно.

Ждала она еще долго: родители пошли спать, а Светлана смотрела телевизор, потом расстроено пошла в ванную — переодеться и принять душ. И, конечно, по закону подлости пропустила и то, как на улицу, аккуратно поджав крылья, спускается белый дракон — а не спящие по каким-то причинам соседи и жители окрестных домов обалдело выглядывают из окон, — и как, изогнув шею, стряхивает он на проезжую часть тяжелые мешки, оборачивается и одевается. И громкий стук в дверь Света тоже пропустила.

Дверь открыли сонные родители. И некоторое время молча глядели на очень высокого и крепкого мужчину с заплетенными в косу красными волосами, одетого в какую-то смешную одежду, с совершенно бандитским и нахальным выражением лица. Дополняли образ мешки, которые он держал, — один на плече, два в руке.

— Чисто разбойник, — нервно и тихо сказал папа. Мама, кутаясь в халат, шикнула на мужа и, шурясь, продолжала разглядывать гостя.

— Извините, что запоздал, почтенные, — серьезно и гулко, на все лестничные проемы, произнес жених, спустил с плеча мешок и низко-низко поклонился. — Долгая дорога, торопился как мог. Меня зовут Четери. Я пришел обговорить, как отдадите вы мне свою дочь в жены.

— Проходите, конечно, — папа отмер и засуетился радушно, отступил назад. — Рады наконец-то познакомиться. Я Иван Ильич, а это Светина мама, Тамара Алексеевна. А Света, — он прислушался, — в ванной, похоже.

Гость прошел в прихожую — ох и маленькой она ему, наверное, показалась. В мешках что-то звякало. И одуряюще пахло южными фруктами.

— Вот, — сказал дракон с сожалением, — это фрукты с моей земли. Но, боюсь, потекли, когда сбрасывал на землю.

— Ничего, варенье сделаем, — еще жизнерадостнее успокоил его папа. Покряхтел, принимая мешок с фруктами, и понес его на кухню. Мама вздохнула.

— Проходите на кухню, Четери. Поговорим.

Света вышла, когда ее дракон уже вовсю уминал кушания — даже жалко его стало, таким голодным он выглядел. Папа смотрел с умилением, мама — строго, по-учительски.

— Прилетел, — сказала Светлана радостно. Подошла — и он тут же под суровым взглядом матери подгреб ее к себе под бок, прижал одной рукой и поцеловал куда-то в висок. Света тут же сунула замерзшие руки между ними и огляделась. И только тогда заметила открытые мешки с золотом — они совершенно дико смотрелись, прислоненные к их простой плите и холодильнику.

— А это что? — спросила она.

— Выкуп, — с непроницаемым лицом ответила мама. Чет усиленно жевал.

— Дорого за тебя дают, дочка, — похвалил Иван Ильич. — Знал бы — уговорил бы Тамару еще на пяток дочерей.

— Вы ведь понимаете, что мы не можем это принять, — проговорила Тамара Алексеевна. — Два мешка!

— Один, — поправил Чет невозмутимо. — Один для вас, достойных родителей, воспитавших мне жену, а один — Светлане.

— Мне тоже не надо, — прошептала она куда-то ему в плечо.

— Надо, — возразил он. — Ты у меня в золоте ходить будешь.

— М-да, — продолжил упражняться в остроумии папа. — Тяжела твоя доля, дочка. Столько на себе таскать.

Чет хохотнул, и отцовское сердце растаяло окончательно: зять с чувством юмора — это же мечта!

— Вы не думайте, почтенные, — уважительно сказал дракон, — что я вас подкупаю. Решение вам принимать. Это у нас традиция, и нарушать ее нельзя. Что могу сказать? Со мной Светлана не будет ни в чем нуждаться, я обещаю оберегать ее и защищать. Любить я ее люблю, — Света вздохнула и закрыла глаза, — в жены возьму по обычаю, детей наших тоже буду любить и учить. Если есть у вас вопросы — отвечу, если нужно какие-то испытания пройти — пройду. Но от своего не отступлюсь.

— А где вы жить будете? — задала мама единственный волнующий ее вопрос.

— В Песках, — как само собой разумеющееся пояснил дракон.

— Но ей же рожать, — нервно продолжила Тамара Алексеевна. — А у вас там, как я поняла, ни медицины, ни акушеров, ни лекарств, ни роддомов. А если что-то не так пойдет?

— Она здоровая и крепкая женщина, что может пойти не так? — удивился дракон.

— Всякое может случиться, — упрямылась мама. — И для детей ведь тоже нет ничего. Ни магазинов, ни игрушек, ни педиатров. Заболеет — как лечить?

— Лечить я и сам умею, — сказал Чет. Мама поджала губы, он посмотрел на нее, задумался. — Я могу пообещать, что специально для жены приглашу из Рудлога всех этих... врачей? Если тебе так спокойнее будет, почтенная.

— Да разве в этом дело! — в сердцах махнула рукой мама. Чет снова внимательно поглядел на нее, на Свету. Его женщине, казалось, было все равно, что там обсуждают, — она согрелась рядом и просто прижималась к нему.

— У меня там большой дом, — проговорил Четери. — Перед домом озеро, воздух свежий и чистый, от озера летом прохлада, а холодно не бывает никогда. Там хорошо жить, хорошо растить детей. Там будет хорошо расти сыну. И вы можете полететь с нами. Станете жить в почете и уважении и видеть, что с дочерью все в порядке.

— А телевизор там есть? — спросил папа. Дочь его хихикнула.

— Нет, — признался крылатый жених. Мама всхлипывала — она, кажется, наконец-то поняла, что доча улетит, и Иван Ильич приобнял ее за плечи.

— Ну, ну, Тамара, успокойся. Не хороним же! Замуж выдаем! Дело-то хорошее!

— И правда, — сказала Света тихо. — Ну чего ты, мам.

— Ну раз вы все решили, — сурово сказала мама, — то зачем спрашивать?

— Положено так, — невозмутимо объяснил Чет. — Женщина к мужу уходит, но родителей с тяжелым сердцем негоже оставлять. Хотя, — он опять усмехнулся, и папа с азартом присмотрелся — снова в лице гостя промелькнуло что-то разбойничье, — бывает и

по-другому. Сначала крадут, женой делают, а потом уже к родителям виниться идут.

— Видишь, Тамара, — ехидно высказался папа, — какой воспитанный молодой человек. Скажи спасибо, что не украл и что на свадьбе погулять сможешь.

Мама сердито всхлипывала. Дракон наконец-то перестал есть — отодвинул тарелку и с удовлетворением оглядел опустошенный стол: только на маленьком блюдечке одиноко лежали оливки, которые, как оказалось, он не любит.

— Что, Света, правда улетишь? — спросила мама, все еще надеясь на чудо.

— Улечу, — подтвердила девушка жалобно. Ей было очень жалко родителей, и она надеялась, что потом сможет уговорить их переехать.

— Может, у нас поживете? — утирая слезы, предложила мама альтернативу, с упреком поглядывая на гостя. — Ты будешь в школу ходить до декретного отпуска, жениху твоему... ну, тоже работу найдем. Охранником, например. Комнаты две, мы вам мешать не будем...

— Вот что, — выслушав это, сказал Четери, подталкивая Свету, чтобы она встала. Девушка с недоумением посмотрела на него. — Иван Ильич, почтенный отец, позволь мне с Тamarой Алексеевной наедине поговорить. А то мы так долго плакать и вздыхать будем. Света, ты тоже иди.

— Конечно, — живо согласился «почтенный отец», взглядом спрашивая разрешения у жены. Та пожала плечами, и половина семейства удалилась, оставив наедине сердитую мать и потенциального зятя.

— Что тебя пугает, почтенная? — вежливо спросил Чет. — Ты боишься, что я буду обижать ее или что ей будет плохо со мной? Говори прямо, я выслушаю твои слова с уважением.

— Четери... — мама снова устало потерла глаза под очками. Невпопад подумалось, что новая скатерть исколола ей все колени. — Мы же вас совсем не знаем. Вот это и пугает — что отдадим Свету совершенно незнакомому человеку.

— Ну, это дело поправимое, матушка, — спокойно сказал Четери. — Слушай: я родился очень давно, у хорошей матери, недалеко от города Тафия. На момент войны мне было сто девять лет, пятьсот лет после этого я провел заключенным в горе. Еще до совершеннолетия меня взял в обучение учитель Фери. Он был старым воином, Мастером клинков, и у него имелось несколько учеников, однако я стал лучшим, — дракон говорил без всякого бахвальства, глядел словно внутрь себя, вспоминая. — Мое обучение закончилось в тот день, когда я смог выстоять против своего Мастера долгий бой — мы сражались день и ночь, и никто не смог взять верх.

Чет не сказал, что в том бою, когда закончилась ночь и восходящее солнце окрашивало деревья розовой дымкой, он увидел, как учитель устал — устал куда сильнее, чем он сам, — и тогда нарочно позволил ранить себя, чтобы не допустить позора старого Мастера. Он, Четери, уходил, но ведь оставались еще ученики, которые смотрели на их бой и которым нужно было верить, что учитель непобедим.

Конечно, мастер Фери все понял.

— Ты превзошел меня, — сказал он, когда привел ученика в храм представить покровителю всех воинов, Красному. — Но помни, что сила дается не просто так, сила дается в предназначение. Будет у тебя, сынок, противник по плечу. Тот, которого ты можешь и не победить. Поэтому не прекращай тренироваться и не губи душу подлостью: крепость и чистота духа в последнем бою так же важны, как крепость клинков.

Прошло больше пяти сотен лет, а равного Чету противника так и не нашлось.

— Я всю жизнь прожил, сражаясь и обучая сражаться, — продолжал Четери, — единственной женой у меня была человеческая женщина, с которой я прожил счастливую жизнь и рядом с которой был до конца.

Тамара Алексеевна слушала с изумлением — кажется, она только что окончательно осознала, что перед ней не только представитель другой эпохи, но и возраст его чуть ли не в два раза больше, чем у нее, если не считать еще пятьсот лет сна. Рассказы Светы воспринимались как сказки, а тут вот сидит этот... раритет, и речь у него изобилует анахронизмами, и вся манера держаться совсем не как у современных и воспитанных молодых людей.

— Что еще рассказать? — дракон наморщил лоб. — Кажется, я достаточно себя похвалил.

— Достаточно, — согласилась мама тяжело. Протянула руку, отвела от ног колючую скатерть. — Четери, поймите... Я всего лишь хочу, чтобы дочка была счастлива. Я вижу, что она любит вас, но хватит ли этой любви, когда она столкнется с вашей неустроенностью? С разницей культур, менталитета? Светлана — образованная девушка, закончила институт, и она совершенно не приспособлена к отсутствию цивилизации. Она с рождения живет в городе и не понимает, что это такое — обходиться без электричества и водопровода. Здесь продукты берутся в магазинах, здесь есть тысяча бытовых мелочей, без которых она не представляет свою жизнь. Если что-то нужно, мы идем в торговый центр и приобретаем, — а где она найдет центр у вас? Она очень любит читать, а есть ли у вас книги? У нее сейчас работа в школе, и для нее это важно. Где она будет работать? А у вас там даже нет телепорта, чтобы мы могли в любое время заехать и навестить. А ребенок? Ему, кроме наблюдения врача, нужны подгузники, коляска, кроватка... да много чего нужно! А если будут колики? А если поднимется температура, а у вас ни «скорой», ни лекарств? Да что там говорить, у вас даже термометра не будет!

Четери слушал ее сумбурные и нервные излияния с таким непроницаемым лицом, что Тамара Алексеевна остановилась, почувствовав, что скоро сорвется на крик, смутилась и спросила с раздражением:

— Вы меня понимаете?

— Некоторые слова не понял, — честно признался дракон. — Но суть уловил. Тебе нужно, чтобы я обеспечил Светлане привычные условия. Я слово даю, что все сделаю.

— Что? — поинтересовалась мама с сарказмом, уязвленная непрошибаемостью жениха. — Город сделаете? Цивилизацию постройте?

— Город уже есть, — ответил тот невозмутимо. — Остальное — дело времени. Поставь мне срок, и я все устрою. И больницы, и центры, и эти... подгузники, чем бы они ни оказались. И тер-мо-метр. Если только в этом дело.

Тамара Алексеевна покачала головой и вздохнула.

— Как у вас все легко, Четери.

— Почтенная мать, — сказал он прямо, — я слов пустых не даю. Вот что я скажу. Завтра мы пойдем в храм, и там я назову твою дочь своей женой. И мы улетим в Пески. Оговорим время, через которое я прилечу за вами с отцом. Посмотрите, как ей живется. В любом случае она уже моя женщина, носящая моего сына, и я ее не оставлю. Не могу я без нее, — закончил он неожиданно и просто.

— Ну что с вами делать? — грустно спросила мама, не признаваясь, что тронута последними словами. Даже не словами — тоном.

— Благословлять, — посоветовал дракон. — И идти спать.

— Ой, а нам же некуда вас положить! — мгновенно переключилась и взволновалась

Тамара Алексеевна. — Придется на полу стелить, Четери.

— Да зачем, — отмахнулся дракон, — я прекрасно помещаюсь в Светиной кровати.

И интеллигентнейшая Тамара Алексеевна даже не нашлась, что ответить на эту наглость.

Позже, когда в спальне родителей затихло тревожное ворчание и успокаивающее бурчание, Чет повалился на кровать, закинув руки за голову, и скомандовал не желающей спать Свете примерять украшения.

— Зачем ты вообще их притащил? — смеялась она, прикладывая поверх застиранного халатика длинное ожерелье с рубинами, с нитями в несколько рядов, и рассматривая себя в большом зеркале, которое висело над узким комодом. — Если я все равно к тебе полечу и придется обратно все нести?

— Показать родителям, что могу тебя и обеспечить, и одеть, — пояснил Чет. — Нравится?

Светлана посмотрела на ожерелье, пожала плечами.

— Красиво, — она отложила рубиновые нити, натянула на запястья толстые и тяжелые браслеты, повертела руками, имитируя какой-то восточный танец. Четери усмехнулся, но смотрел тяжело, прямо, и она вдруг покраснела под этим взглядом, неловко перебросила черные волосы на одно плечо, приложила к уху круглую серьгу. Сморщилась и снова полезла в мешок.

— Ой, а что это? — Света с недоумением смотрела на небольшой, почти плоский конус, сделанный из такого тонкого золота, что оно выгибалось. Украшение было покрыто кружевным орнаментом.

— Сейчас покажу, — многообещающе произнес Чет. Подошел, встал за ее спиной, подмигнул в зеркале, протянул руку, развязывая пояс. Спустил с ее плеча халат вместе с бретелькой тонкой сорочки, обнажив одну грудь. Поцеловал в плечо, положил ладонь под тяжелое полушарие, обхватил пальцами — в зеркале все отражалось, и она затаила дыхание, так уместно это выглядело.

— Повернись ко мне, Света, — гулко приказал он.

Она повернулась, оперлась руками на столик, и дракон посмотрел еще, поднял на нее глаза, начавшие отливать вишневым, усмехнулся.

— Красиво? — спросила она провокационно и тихо.

— Женщина, — рыкнул он приглушенно, — если бы ты понимала, насколько.

Наклонился, лизнул сосок — и тут же приставил к нему конус, повернул как-то хитро — украшение щелкнуло и присосалось к коже.

— Посмотри-ка, — сказал он, поворачивая Свету к зеркалу. Она разглядывала золотое наверху, совершенно дико смотревшееся в сочетании с простеньким старым халатом. Украшение холодило и тяжелило грудь, и ощущения были странные. И Чет глядел на нее, и в глазах его багровый огонь разгорался еще сильнее.

— Нет, — проговорил дракон ей в шею, и дрожь пробежала по телу от касания его губ, — плохо.

Снял украшение, небрежно бросил его на пол.

— Так куда лучше, — сказал он, стягивая и халат, и сорочку вниз.

Четери действительно соскучился. Очень и очень. Он понял это, едва только Светлана прильнула к нему — мысли сделать несколько шагов до кровати даже не мелькнуло. Только подхватить ее, усадить спиной к зеркалу, кое-как, рывками, стянуть с себя одежду. И не хотел ведь торопиться — нужно было побереечь ее, да и уважить родителей. Но не получилось — Света, со своими тонкими лодыжками, дынным вкусом полных губ, прохладными пальцами, покорным взглядом и учащенным дыханием была слишком нужна ему. И сдерживаться не вышло, и быть аккуратным тоже: темное безумие не дало даже подготовить ее — Четери только запустил пальцы в волосы, впился в губы и пятерней подтянул пышную попку к себе, чтобы сразу войти и начать бешеное движение. Света сжимала зубы и глухо стонала, обхватив его за шею и уткнувшись лбом ему в плечо.

Чет потом даже не мог вспомнить, получилось ли быть тихим. В памяти осталось только отражение ее затылка и длинных волос, напряженной спины и красных пятен от его жестких пальцев на ягодице. И туманный след от его горячего дыхания на зеркальной поверхности.

Уже после, когда она заснула рядом, вжавшись в дракона под толстым одеялом и привычно грея ноги об его ступни, Четери осторожно провел рукой над ее животом. И успокоенно закрыл глаза, уходя в сон.

Свадьбы на следующий день не получилось. Заупрямился папа, заявив за очень поздним завтраком, что и так все не как у людей, поэтому надо хоть отпраздновать по-человечески.

Пригласить друзей, родных — пусть обряд в храме проходит без свидетелей, но поздравить молодоженов надо обязательно.

— А то не поверят, — сказал он намекаяще Чету, с упорством естествоиспытателя поедающего манную кашу, — скажут, уморили Светку. Да и погулять надо. Жених у нас богатый, продадим что-то из принесенного металлолома и закатим свадьбу!

— За праздник готов дочь отпустить? — ехидно спросила все еще переживающая мама. Теперь она волновалась, как родственники посмотрят на нецивилизованного жениха.

— Он и так ее унесет, — отмахнулся папа, — хоть проводим как следует.

Света осторожно взглянула на Четери. Тело побаливало после ночного безумства, но хорошо, правильно. Плохо было то, что ее с утра мутило, и Света пила мятный чай и грызла по крошке посоленную корочку хлеба. Ничего не хотелось — только лечь и чтобы никто не трогал. Но родители вроде уже смирились, и спорить с новым предложением она не стала.

[Купить полную версию книги](#)